

Борис Иванович Вронский

*Мы – это мы; пусть время и судьба
Нас подточили, но закал все тот же,
И тот же в сердце мужественный пыл —
Дерзать, искать, найти и не сдаваться.*

Альфред Теннисон

О Борисе Ивановиче? Казалось, кому бы как не мне, писать о нем... И, тем не менее, это нелегко.

Ведь это не просто знакомство, не просто сотрудничество в прославленной экспедиции Билибина (и целого ряда других, не менее значимых имён), это еще и супружество. А супружество – это такая тонкая область, коя не поддаётся ни критике, ни анализу, ни судебному разбирательству и.... увы, не может быть полностью объективной.

Мы с Борисом Ивановичем прожили долгую совместную жизнь (более шестидесяти лет) и достаточно уважали друг друга, чтобы не выносить шероховатости супружеской жизни на обозрение друзей, родных и даже детей своих. Мы с этим более или менее справлялись сами,

согласно морали жителей, существовавшей некогда провинции Армении – тондракитов, считавших супружество достоянием лишь двух непосредственно участвующих в этом союзе мужа и жены, и не нуждалось оно ни в чьём-либо благословении, осуждении или в каком-либо оформлении, вмешательстве какого-либо обряда (ни гражданского, ни религиозного).

Мы не были тогда (во всяком случае, я) знакомы с этой моралью тондракитов – она была в самой нашей природе. В принципе мы стремились ко взаимосогласию и взаимоуступчивости, и для окружающих семья наша была столь равновесной, что очень многие пары, лады жизни коих давали крен, обращались к нам за советами.

Но я довольно скоро поняла, что советы тут бессильны: конфликты в конечном итоге решались самими непосредственными участниками супружеской пары союза и часто наперекор данному совету, и тем не менее – удачно.

Двух совершенно одинаково мыслящих людей не найти даже среди близнецов. Были существенные различия и у нас в характерах, во взглядах. Борис Иванович по натуре романтик, поэт, страстно любивший природу во всех ее проявлениях, умевший понимать её и как бы сливаться с нею. Бродить по лесам, полям, горам, ночевать где-нибудь у костра, в палатке или без неё, было для него наслаждением. Он был сильный, выносливый человек и пройти за день

многие десятки километров, зачастую с тяжёлым рюкзаком и ружьем за плечами, не составляло для него труда.

Я – более приземлённая и домашняя. Собираясь вступить в брачный союз, я надеялась создать надёжную жизненную базу в виде дружной и любящей семьи, чего я была лишена и в раннем детстве, и в девичестве.

При этом мною имелось в виду непременно наличие детей. Иначе, зачем же нужен супружеский союз?

В те годы около нас не было старших родственников – ни у меня, ни у Бориса Ивановича, мы решали вопрос своего будущего одни – сами двое.

При этом, конечно, не перечислялись пункты брачного контракта. Мы сразу слишком поверили друг в друга, будучи твёрдо уверены, что браки слагаются не на небе волею богов, а вот тут, на земле – персонально нами и только нами.

И тут вдруг обнаружилось кардинальное несходство в наших представлениях о том, что такое семья – он не хотел создавать какой-то стабильный домашний очаг, заводить детей. В его представлениях того времени семья – это возможность скитаться вместе с любимой по разным городам и весям, исследовать белые пятна на географической карте, жить вольной жизнью, не обремененной домашними заботами.

Но послушаем, что говорит об этом сам Борис Иванович:

«Я лихой бродяга. Мне хором не надо!
Каждая поляна мне даёт приют.
Где хочу – присяду. Где хочу – прилягу.
Отдохну и снова продолжаю путь...»

Тут уместно рассказать эпизод из юных дней Бориса Ивановича.

Став студентом, нацепив студенческий значок на фуражку, он предпринял поездку в район Приокской Мещеры, где жила семья его тети – сестры матери; семью эту он знал пока только по письмам взрослых.

Три красавицы – двоюродные сестрицы (в этом доме все женщины были красавицы) с трепетным нетерпением ожидали прибытия долгожданного братца-студента.

Однако, в урочный день братец сильно приопаздывал и сестрицы решили выйти ему навстречу.

Каково же было их удивление, когда по пути к пристани они увидели на живописной опушке леса какого-то незнакомого юношу, крепко спавшего под палящими лучами солнца.

Это и был их долгожданный братец, который чуть ли не у порога гостеприимного дома, где его так вожделенно ждали, решил отдохнуть на приглянувшейся ему полянке.

Двоюродные сестрицы все хором и каждая в отдельности влюбились в него с этого же дня и всю жизнь с восторгом вспоминали эту встречу с братцем, ставшим их кумиром до конца дней.

Да что сестры! Впоследствии и их дети, т.е. двоюродные племянники и племянницы, были покорены им и старались походить на несравненного дядю Борю.

А одна из них, прелестная сероглазая Верочка, стала хорошим геологом и всем сердцем приняла эстафету бродячей экспедиционной жизни.

О глубоком восприятии красот природы Борисом Ивановичем скажем опять же словами его поэтического творчества:

В золоте кудри у осени выются,
Весело смотрят глаза голубые.
Осень – царевна, царевна якутская,
Больше не верю я в рассказы злые...»

Или:

Сколько в этой утренней прохладе
Тишины, и мира, и отрады.
Вот за это самое тайгу

Никогда я бросить не смогу.
Я не буду размышлять о том,
Что нас ожидает впереди,
Но мне кажется, что на её груди
Я засну последним вечным сном.

Или:

Ночь с неба смотрит молчаливо
Морозной звездной тишиной,
И лишь река без перерыва
Звенит натянутой струной.

И этими мотивами полно его поэтическое творчество, всего не перечесать.

Когда дети у нас все же появились, Борис Иванович оказался нежнейшим отцом. Дети отвечали ему тем же чувством. С годами эта привязанность росла, превращаясь в нерушимую преданность, дружбу и веру друг в друга.

Приведу фрагменты из воспоминаний нашей дочери Ляли.

«Все эти годы после смерти папы я сильно о нём скучаю, помню его всегда, вспоминаю яркие моменты из детства, юности, связанные с ним, знаю его стихи, часто читаю их друзьям. В моей

памяти он навсегда останется верным и преданным, смелым, надёжным, знающим всё на свете, готовым ответить на любые вопросы.

Несмотря на то, что в доме было много различных толковых словарей и энциклопедий всех сортов и мастей, мы с братом Борькой предпочитали обращаться за живым папиным разъяснением – содержательным, красочным и досконально верным. И ни разу не получали отказа.

Самое первое мое воспоминание о нём вот какое: крепкие бережные руки, в них очень уютно, тепло, безопасно и надёжно.

Вот он уложил меня спать и что-то рассказал, не помню что, но что-то напевное, радостное, светлое, от чего я смеюсь, улыбаюсь и засыпаю.

Помню, папа меня купает. Вынул из ванночки, поставил, накинул большое махровое полотенце.

– Папочка, отчего ты не вытираешь меня?

– Боюсь содрать кожицу, – отвечает он.

А мне так смешно от его слов, я хохочу до упаду, а он мне говорит:

– Лялька, брось валять дурака.

От этого «валять дурака» я смеюсь еще сильнее, и мы оба начинаем икать – я всерьез, он нарочно. Я очень пугаюсь за папу: ладно, я икаю, но он не должен, для него это не положено и

плохо. От испуга икота проходит. У папы вдруг тоже.

Сразу же понимаю, что он притворялся и бесконечно благодарна за солидарность. Такие устанавливаются гармония и доверие – словами не передашь!

Или ещё в памяти сценка из раннего детства, солнечным утром. Она ярко отображена стихотворением, сочиненным тут же.

Я проснулась, повернулась,
Засмеялось все вокруг.
Вдруг мой братик да с кровати
Прямо на пол кулем бух!

Сколько крика и мучений,
Сколько было горьких слез...
Вдруг лохматый, полосатый
Кто-то к нам в окошко вполз.

И после этого отменного ора дуэтом сидим у отца на коленях и вдвоем рассматриваем зеленые глазища у рыжего пушистого кота, который полюбопытствовал: что же это происходит у детей?

Однажды зимним морозным вечером папа вез нас на санках из детского садика. Жили мы тогда на Коровьем валу, в Москве (сейчас на месте нашего дома подземный проезжий туннель). Как сейчас помню эту дорогу: попадались горки,

пустыри, кругом снежные сугробы. Накатались мы вдосталь и слегка подмерзли. Радостно вошли в дом – пахло теплом, едой, уютом. Я не раздеваясь подбежала к жарко натопленной печке и раз!... не успела меня мама остановить – приложила обе ручки к раскаленной печке. Помню на ней, как перчатки, осталась белесая кожица от рук, а в ушах – звенящий собственный вопль.

Пока оказывали мне помощь, я орала. И уже боль стала терпимая, а я все вопила – не столько от боли, сколько от обиды, и вопила до тех пор, пока папа не предложил мне посмотреть, как он так же приложит руки к печной дверце, но кричать не будет. И чтобы я училась терпеть боль. Мне стало так стыдно, что слезы высохли, я с уважением посмотрела на папу и обещала ему так себя больше не вести.

Через много лет мы вспоминали этот случай, и я спросила: правда ли он приложил бы тогда руки к раскаленной дверце?

– Лялька, не валяй дурака, – ответил мой папа, и я все поняла без разъяснений: приложить бы он приложил, но так, чтобы и волки (в данной ситуации – я) были сыты, и овцы (в этом случае – папа) были целы.

Эта его фраза: «Лялька, не валяй дурака»... Столько в ней было доверительного, успокаивающего, поучающего, столько было в ней любви. Создавался очень прочный, я бы позволила

себе сказать – генно-родственный – контакт, и все становилось на свои места.

Папа был замечательным пловцом – неутомимо плавал, нырял, как дельфин, кувыркался. Было большим наслаждением смотреть, как он сильными, красивыми движениями рассекает воду и плывёт, плывёт к горизонту, сливаясь с волнами, солнечными бликами, небом, растворяется в морском просторе. А я стою на берегу, уже не вижу его, но не боюсь, знаю: он умелый, ловкий, сильнее всех на свете. Стою и горжусь им.

– Лялька, пойдём нырять в глубину, – предлагает он мне, выходя из воды, и я с восторгом и верой бросаюсь к нему, обхватываю за шею, и мы уплываем далеко-далеко. И тут начинается самое-самое, что может присниться только в волшебном сне. Папа становится вертикально в воде, я забираюсь к нему на плечи, набираю побольше воздуха в легкие и прыгаю столбиком. Он нажимает мне на плечи, и мы оба погружаемся в необъятную глубину. Открываю глаза – вокруг живой, колышущийся сказочный мир, простор – с рыбами, медузами, водорослями, бликами. Некоторое время папа удерживает меня там, затем мы пробками – с брызгами и смехом – выскакиваем на поверхность, глотаем воздух и снова и снова ныряем – я до изнеможения, он, думаю, тоже, потому что говорит мне: хватит. Лицо у папы без очков немного растерянное и

очень-очень доброе. Смекаю, что с таким папой можно и поспорить, ныряю еще и еще, не очень прислушиваясь к его требованию заканчивать водную вакханалию, пока сакраментальная фраза – «Лялька, не валяй дурака», произнесённая неожиданно стальным голосом, так не вяжущаяся с растерянно-добрым взглядом, не устанавливает должного понимания. Мы дружно плывем к берегу, где о нас уже тревожатся мама с Борькой.

Такая тренировка в детстве дала хорошие результаты – объем моих легких равен мужскому.

А первые уроки плавания папа преподавал мне в подмосковной речке Македоновке – речушке заболоченной, но с неожиданными быстринками и омутками. Над одним из них росла наклонно большая ива. Я взбиралась по стволу и прыгала аккуратно в центр омута. Вода кружила, кружила, засасывала в центр воронки, было жутковато-весело, совсем не страшно, так как знала, что папа рядом, поднырнет и вышвырнет из центра в спокойную воду.

Плывать я научилась с третьего захода, а прыжки с ивы в омут оставались нашим с папой любимым занятием в то лето».

Борис Иванович был интересным собеседником, мастером на разные веселые розыгрыши, пари, был всегда желанным членом

любого общества и без особого старания завоевывал сердца.

Один кавказский человек, пробыв случайно в его компании, все время потом спрашивал:

– А где этот мудрый и веселый, не дурак при этом выпить?

Ну чем не сам Омар-Хайям?...

В те же первые годы освоения Колымы, да и впоследствии на Берелехе, Нексикане, Батыгае, людей, работавших в геологических управлениях, помимо общей работы зачастую связывала крепкая дружба, остававшаяся неизменно прочной на долгие-долгие годы. Как они все были молоды тогда! И буквально пропитаны романтикой северных рассказов Джека Лондона. К этому располагало и сходство географии и климата, и условия быта и работы, и основной объект поисков – золото, и, конечно же, обаяние личности самих героев писателя, которым они откровенно подражали. Это проявлялось и в показном пренебрежении к трудностям походной и бивуачной жизни в полевых партиях, многим опасным эпизодам, которыми полна была жизнь в тех условиях. По целому ряду вопросов – как бытовых, так и производственных – постоянно заключались пари, причем оформлявшиеся, как правило, в виде контрактов с подписями многих свидетелей. В короткие часы досуга они с азартом играли в покер, правда в основном по мелочам, так

как существенными капиталами и имуществом не располагали. А уж юмор, подначки и так называемые «розыгрыши» были повседневным элементом быта. Не избежали этого и наши дети. Борис Иванович, очень ценивший часы утреннего сна, сумел внушить детям, что в это время ему снятся самые интересные сны, которые он вечерами рассказывал им, широко используя не известные им произведения Конан-Дойля, Буссенара, Жаколио и других авторов. В результате, наши, обычно очень шумные, дети по утрам не только сами старались не издать ни единого звука, но и зорко следили за соблюдением тишины другими обитателями дома.

Итак, повторяю: равновесие в нашей семье поддерживалось взаимными уступками. Были дети, был создан стабильный уютный дом, полный любви и дружбы, куда Борис Иванович, несмотря на юные порывы к бродяжничеству, всегда всей душой стремился.

Были уступки (и не малые) и с моей стороны. Так, я сменила свое прирождённое влечение к педагогике, к математике и, согласно просьбе Бориса Ивановича, поступила на Геофак, надеясь, что в любой отрасли науки можно найти, чем увлечься. Также я уступила просьбе Бориса Ивановича – оставить малолетних детей на попечение, казалось бы, вполне достойных и надежных людей, чтобы участвовать с ним в экспедиции Билибина на Колыму.

Стремительная организация треста «Дальстрой» помогла мне вернуться к детям ранее договоренного срока (через год, а не через два). Я застала детей в таком состоянии, что дала себе слово никогда больше не разлучаться с ними. И не перепоручать уход за ними никому. И на это были основания.

И все же, семья была равновесна, и лучшего отца у детей не могло быть.

А когда наши внуки остались без отца (он завел новую семью), то они, мои внуки, безотцовщины не почувствовали; рядом был любимейший дед. Хорошая иллюстрация этому в шутовском стихотворении Бориса Ивановича, которое наши внуки и дети распевали на мотив Бетховенского «Сурка»:

«На Колыме я долго жил с Никиткой и Наташкой...»

К нему тянулись и товарищи наших детей и внуков, многие из которых оказались сиротами при живых родителях в те недоброй памяти годы. Борис Иванович и для них стал Дедом – товарищем игр, прогулок, чтения книг, другом – всем-всем! И на долгие годы оставался он для окружающей нас молодежи любимым «Дедом» со все возрастающим авторитетом.

Таков был облик Бориса Ивановича в семье и коллективе.

Каков же он был как работник? Как специалист? В частности, как геолог? Об этом тоже так просто не скажешь, и лично мне это непосильно.

По сути дела, я ведь была все же без законченного образования, недостаточность коего я никогда не переставала ощущать. Тем более, что в полевых партиях я почти не работала. Сама себя я считаю квалифицированным лаборантом-петрографом с богатым опытом, т.к., работая во многих геолого-поисковых экспедициях на Колыме (Берелех, Нексикан, Охотск, Верхоянск, Сеймчан, Среднекан), я имела возможность широко ознакомиться с разнообразными горными породами, слагающими обширную территорию, подвластную Северо-Восточному геологическому управлению.

Я владела всеми доступными нам в тех условиях и в те годы методами определения горных пород и всегда давала надёжную продукцию. В вопросах же собственно самих поисково-разведочных работ разбиралась недостаточно, поскольку в поле выезжала очень редко, а дома Борис Иванович обычно не был склонен говорить о работе. Однако, бывали периоды, когда разговоры и споры о работе в нашем доме не смолкали. Это было обычно поздней осенью, когда большинство полевых партий заканчивали работу и многие полевики в сложных квартирных условиях тех лет вынуждены

были останавливаться и столоваться в нашем доме.

Так или не так, но оценка работы Бориса Ивановича мне недоступна в такой мере, которая могла бы удовлетворить интересующегося этим человека. Но его деятельность достаточно полноценно отображена в его годовых отчетах и в отчетах о его летних поездках по районам полевых партий.

Все эти его отчеты получали неизменно высокую оценку – как в высших инстанциях в Магадане, так и среди геологов экспедиции, которые не раз говорили:

– Борис Иванович, почему Вы не защищаетесь! Ведь каждый Ваш отчет – это готовая диссертация, и мы все широко используем эти данные для своих диссертаций.

Но он просто не ставил перед собой такой задачи. В чем же причина?

Начнем с того, что геология не была заветной мечтой его молодости. Его тянуло море (он был прекрасный пловец, и вода была его стихией). На худой конец, он не прочь был посвятить себя воздухоплаванию, но этим его устремлениям воспрепятствовало наличие у него сильной близорукости. А натура его тяготела к деятельности, полной риска, героики, приключений, авантюры...

Тут я принуждена сделать некий экскурс в годы детства Бориса Ивановича.

Он рано приобщился к грамоте: в два года уже свободно читал и даже проявил склонность к рифмованию слов. Мать его, расставшись с мужем (Борису Ивановичу было около 6 лет), полная тревог о дальнейшей судьбе оставшихся с ней двух детей, боясь тлетворного влияния улицы на сына, поспешила поместить его в школу (в городе было только реальное училище – гимназии мужской не было) на год раньше положенного возраста.

Её друзья-педагоги (она работала в библиотеке) пошли ей навстречу. Но в день вступительных экзаменов Борис с группой мальчиков, с коими он в ожидании начала испытаний уже успел подружиться, пошел в класс, где начались приемные экзамены во II класс, и блестяще сдал их. Так дело было решено, Бориса оставили, и тем самым он начал школу на два года раньше положенного и, следовательно, окончил реальное училище на два года раньше обычного.

Далее, договорившись с товарищем, он без согласия матери поступил в Варшавский политехнический институт, но вскоре был исключен из него за то, что сдал экзамен за кого-то. За такой проступок исключали с «волчьим билетом» – без права поступления впредь в ВУЗ. Бориса из Политехнического института исключили, но волчьего билета, по малолетству, не дали.

Далее, по совету матери, он поступил в Киевскую Коммерческую Академию. Однако через год пребывания в ней он понял, что пошёл не той дорогой и хотел бросать Академию. Но мать, озабоченная его дальнейшей судьбой, отговорила его:

– Ты уже студент II курса, ты единственный мужчина в доме и должен думать о нас с сестрой и скорей становиться на самостоятельный путь, кончать учебу, получить специальность.

Борис Иванович был слишком молод, чтобы противостоять воле матери. Однако, через год он еще более осознал, что пошёл не той дорогой. И снова:

– Ты уже на III курсе и т.д.

Но когда арена действий Гражданской войны подступила к Киеву, а он уже подросток и всё более ощущал неприемлемость выбранного пути, то бросил Академию, не сдав двух госэкзаменов, и ринулся добровольцем в ряды красных ополчений, взяв себе партийный псевдоним «Вольный», и провёл на фронтах Гражданской войны около трёх лет, в самых горячих участках. Тут были и подпольная деятельность, и переход через вражескую границу, и окружение в Триполье, и многое другое.

Затяжная болезнь тифом (и не одним) выбила его из дальнейшего участия в Гражданской войне. А когда он, едва живой, но «считавшийся выздоровевшим», был выписан из больницы и,

потеряв связь со своими частями, добрался до родных пенат, то уже не застал мать в живых. Она умерла от тифа, а сестра вышла замуж и, ликвидировав все свое хозяйство, уехала к мужу в Кутаис.

В родном селе Бориса Ивановича – Михайловке (в Курской области) жила сестра матери Мария Николаевна, которая раньше была тут заведующей Сиротским приютом. За годы отсутствия Бориса Ивановича в Михайловке побывали части Деникина. Сиротского приюта уже не существовало, а сама Мария Николаевна жила у местного аптекаря Ямчицкого, ухаживая за его двумя мальчиками-дошкольниками, будучи обеспечена кровом и питанием. Сюда, к Ямчицкому, и причалил Борис Иванович и был им устроен на работу в аптеке – тоже за кров и питание.

В эту пору мы и стали встречаться с Борисом Ивановичем и вскоре пришли к решению строить дальнейшую жизнь вместе.

Но не о такой супруге своему племяннику мечтала Мария Николаевна. И, хотя я в ту пору была директором школы II-й ступени, но... все же я была в ее понимании не пойми что: армянка, цыганка, еврейка..., но что безбожница и коммунистка, так это точно.

Однако все уговоры её, а также и доводы её друзей (и сны вещие их предсказывали нам

горькую судьбу, и карта у гадалки не предвещала нам ничего радостного) отскакивали от нас.

Я никогда впоследствии не жалела, что встреча с Борисом Ивановичем так резко изменила мой жизненный путь, и вольное братство геологов-разведчиков-поисковиков стало на долгие годы моим родным, где я обрела и друзей, и интересную работу, и при всём при том педагогическая деятельность никогда не забывалась мною.

Что же касается Бориса Ивановича, то, немного окрепнув от перенесённых болезней и обзаведясь семьей, он решил заняться продолжением своего образования, но только не по линии Коммерческой Академии. И единственной возможностью удовлетворить его тягу к деятельности, полной риска, героики, приключений, оставалась геология и, в частности, изучение белых пятен на карте Союза. Тем и определился в конечном итоге его выбор.

При этом, доминирующим фактором такого выбора был скорее сам образ жизни геолога – полный трудностей, опасностей, случайностей, риска..., а также вера в фарт, в свою звезду (выражение, бытовавшее широко в среде геологов). Найти крупное месторождение, прославиться в веках...

Что касается научной деятельности, то Борис Иванович к ней не стремился, хотя обладал всеми необходимыми для этого качествами. И

возможности научной карьеры судьба щедро предоставляла ему не раз.

Так, во время нефтяной практики в Грозном профессор, руководивший там работами (фамилии не помню), как говорится, сразу «положил глаз» на Бориса Ивановича. Но Борис Иванович ответил, что о своей будущей специальности в области геологии ему еще рано думать.

В Горной Академии в Москве на III курсе он был отмечен академиком В.А. Обручевым, предложившим ему своё покровительство в дальнейшей карьере. Борис Иванович отклонил и это предложение, сказав, что прежде, чем садиться за стол ученого, он хотел бы обогатиться опытом в недрах самой природы. Владимир Афанасьевич одобрил такое его устремление как трамплин к более углублённой научной деятельности.

Аналогичное предложение сделал ему академик Архангельский, приступая к работе над Курской Магнитной Аномалией. Последовал тот же ответ.

Юрий Александрович Билибин привлёк Бориса Ивановича к числу ближайших своих соратников, но в дальнейшем их научный альянс не состоялся.

Стремительная организация треста «Дальстрой» смешала все карты. На первые места всплыли новые лица, Билибин вынужден был отстраниться от непосредственного участия на Колымских командных высотах. Судьба членов

его экспедиции сложилась далее без его прямого участия.

На Колымской судьбе Бориса Ивановича это относительно мало отразилось; ампула главного геолога поисково-разведочных экспедиций за ним прочно укрепились на долгие годы его дальнейшей деятельности на Колыме, вплоть до выхода на пенсию.

Но, соглашаясь на должность главного геолога, он ставил непереносимое условие, что ему будет дана возможность летом на пару месяцев выезжать на участки работ полевых партий. Надо сказать, что это входило в обязанности главного геолога экспедиции, но... Бог ты мой! Кто еще, кроме Бориса Ивановича, при бездорожье, отсутствии транспорта и климатических условиях Колымы утруждал себя этим?

А для Бориса Ивановича это было главной приманкой, служившей компенсацией за долгие месяцы зимнего сидения в Управлении. И не взирая ни на какие трудности, он эти поездки осуществлял.

Риск, героика, приключения были для него, помимо деловой необходимости этих поездок, разрядкой после зимнего сидения и зарядкой на дальнейшую работу наступающей зимой.

По отношению ко времени оптимальной суточной активности людей делят обычно на «жаворонков» и «сов». Борис Иванович – типичнейшая сова. Пик творческой активности у

него приходился обычно на вечерние и ночные часы. И это совершенно не совпадало с принятым регламентом работ. Он отличался очень высокой работоспособностью, но, тем не менее, в утренние и дневные часы работал, как правило, вполсилы, зачастую преодолевая себя. Зато к вечеру интенсивность работы резко возрастала, и он нередко засиживался допоздна, прихватывая и ночные часы, в результате чего часто недосыпал. Поэтому его мечтой всегда была возможность организовать трудовой процесс в оптимальном для него режиме. Об этом он говорит в одном из своих стихотворений:

День начался, как всегда,
Хмурой, пасмурной заботой.
Если весел гимн труда,
То уныла песнь работы...

Именно в летних инспекторских поездках по полевым партиям Борис Иванович находил возможность организовать свой режим в наиболее приемлемом для него варианте, с отдыхом — и телом, и душой — на лоне любимой природы, несмотря на трудности работы и быта в таёжной глухомани. О деловой же пользе этих его летних поездок и говорить не приходится.

Каких только геологов-специалистов мы не видели в те годы...

Оставшись без контроля летом в поле, они сводили к нулю все грандиозные затраты на этот период работ. Были среди них профессорские сынки, которые, прикрывшись именем отцов, как-то получали свои дипломы и, будучи уличены в безделье или невежестве, оправдывались: «Я не ожидал, Борис Иванович, что вы по такому бездорожью посетите наш район».

Как руководитель Борис Иванович был доступен — без начальственного гонора, без амбиций, но и без попустительства, в равной мере как к друзьям, так и ко всем другим.

Как подчиненный, он был не искателен, без подхалимства, а при случае мог и не подчиниться приказу свыше, если это не соответствовало его собственным убеждениям. Это в те-то годы! В таком учреждении (в системе НКВД) и в годы войны, когда всех одели в шинели, навесили погоны, присвоили воинские звания...

И не один раз за такую строптивость он впадал в немилость.

Кстати, в военную форму он так и отказался облачиться — чуть ли не единственный из работников его ранга — и надел мундир горного директора.

Борис Иванович был, если не ошибаюсь, единственным в Северо-Восточном геологическом управлении беспартийным главным геологом поисково-разведочных экспедиций. А тогда это было не в порядке вещей. Таким образом, он

ставил сам препятствие к дальнейшему повышению по службе.

Уж о беспартийном-то начальнике экспедиций в ту пору и речи не могло быть, а он и сам всегда категорически отклонял такие предложения, не имея абсолютно никакой склонности к административно-хозяйственной деятельности. А когда однажды такое все-таки случилось (в Охотске из-за дальности расстояния и по причине трудностей пути запаздывало прибытие нового начальника, и Борис Иванович, будучи главным геологом, временно был назначен и начальником экспедиции), то это вылилось чуть ли не в личную трагедию.

Об этом Борис Иванович говорит в своем стихотворении «Люди, лошади, квартиры».

За годы работы на Крайнем Севере Борисом Ивановичем были открыты крупные месторождения золота, крупное месторождение каменного угля (Аркагалинское), разведан ряд оловорудных месторождений. Борис Иванович был представлен к разным правительственным наградам:

1. Медаль «За трудовую доблесть», 1939 г.
2. Орден Трудового Красного Знамени, 1945 г.
3. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 1945 г.

4. Присвоено звание «Лауреат Государственной премии», 1946 г.
5. Орден Трудового Красного Знамени, 1947 г.
6. Орден Ленина, 1951 г.

Выйдя на пенсию довольно рано, вполне полноценным и работоспособным человеком, Борис Иванович получил, наконец, возможность организовать свой досуг и труд в наиболее приемлемом для себя варианте. Он написал несколько хороших книг – «По таежным тропам», «На золотой Колыме». Более десяти лет неизменно был участником экспедиций, организуемых Комитетом по метеоритам Академии наук СССР,

или самостоятельных научных экспедиций в бассейне Подкаменной Тунгуски для решения загадки Тунгусского метеорита. Этот период деятельности Бориса Ивановича нашел отражение в его книге «Тропой Кулика», изданной в 1969 г. и дважды переизданной (1977, 1985), а также переведённой на польский и чешский языки.

До самого преклонного возраста, пока тяжелая болезнь не подорвала его здоровье, он отдавал все свои силы творчеству, семье, детям, внукам и многочисленным друзьям, с которыми не прекращал переписки до самого конца.

Хочется привести выдержки из воспоминаний друзей Бориса Ивановича, ходивших с ним в экспедициях по Тунгусской тайге.

Юрий Кандыба.

«Есть люди, одарённые какой-то неведомой силой, заставляющей преклоняться перед ними. У таких людей своя жизнь, свои законы. Это кометы, пренебрегающие однообразием планетных орбит, не боящиеся раздробиться на своем пути.

Таким остался в моей памяти Борис Иванович Вронский. Он ходил по рискованным

тропам Колымы и обрёл новую походку на нехоженных тропах Тунгуски.

Он ушёл от нас неожиданно. Как метеорит, он устремился в космические выси, на встречу с астероидами «Леонид Кулик», «Кринов», «Тунгуска», чтобы с ними обрести бессмертие!»

Алёна Бояркина.

"Мне не раз приходилось ходить по тайге с Борисом Ивановичем, но чаще в короткие маршруты в окрестностях Центра. А вот в 1965 году он подарил нам радость общения с ним в течение целого месяца. В то лето мы проводили опрос очевидцев, живущих на Нижней Тунгуске от Подволошина до Ербогачена.

Мы купили в Подволошино шитик (большую деревянную лодку), разместились в нём поудобнее, и он стал нашим домом на много памятных дней. Название шитику придумывали долго и горячо спорили, но точку поставил Борис Иванович – «Наутиль». Ну, конечно, «Наутиль» – в этом слове и что-то романтическое от таинственных путешествий Жюль Верна, и намек на весьма древнее состояние посуды.

Борис Иванович был прекрасным рыбаком. На фоне средней рыбки, отлавливаемой Витей, его огромные щуки впечатляли. Он в совершенстве владел спиннингом и знал отменные щучьи места.

И вспоминается картина, когда мы, живописно разместившись вокруг огромного котелка, с удовольствием едим запашистую уху, щедро, сверх меры, приправленную перцем.

Нижняя Тунгуска в тех местах – река спокойная, что доставляло нам немало огорчений по поводу медленного продвижения. Но на карте было обозначено и несколько порогов. И вот первый из них. Распоряжение капитана: у порога выгрузить вещи, на берегу остаются женщины и Борис Иванович. Через порог, рискуя жизнью, шитик поведут мужчины. И повели. А мы, затаив дыхание, следим за этим действием. Облегченно вздохнули. И тогда Борис Иванович спокойно разделся и – не успели мы ничего сообразить – зашел в реку и переплыл через порог, как-то буднично повторив отважный путь шитика. Я помню, как потом ко мне подошел Валера и признался, что чувствует теперь себя очень неловко.

Борис Иванович обычно сидел ближе к корме шитика и все время что-то писал. Писал он и на привалах, и до глубокой ночи в своей палатке, засветив свечу. Очень тщательно записывал и показания стариков-очевидцев, богатых словом и воображением.

Иногда Борис Иванович выдавал нам что-то из своих записей. Вот, например:

Хороша река Тунгуска,

Подволошино село,
От него по речке узкой
Нас теченьем понесло.
Нажимаем мы на гребни,
До конца немало миль,
И плывет, как гордый лебедь,
Наша лодка «Наутиль».
Очень тесно в этой лодке,
Все же в ней, в конце концов,
Разместились две молодки,
Пять удалых молодцов."

Много добрых воспоминаний о Борисе Ивановиче живет в моей душе. И я верю в бессмертие личности, а значит и в будущие встречи где-нибудь на "Тропах Бытия".

Жизнь прожить – не поле перейти. И она не была у нас идеальной. Мы с Борисом Ивановичем достаточно разные люди. Но я всегда благодарна судьбе за встречу с ним и за те крутые перемены, кои свершились с его приходом в мою жизнь. Он был и остаётся эталоном мужества, честности, гражданственности, и его умный и веселый облик живёт и поныне в сердцах тех, кто соприкасался с ним в своей жизни.

Варсеник Вронская

К чему стремлюсь? Куда иду?
На что надеюсь? Сам не знаю.
Но по обычному следу
Других людей я не пойду!
Я не могу, я не желаю!
Хочу свой, новый, путь создать,
Хочу найти свою дорогу!
От жизни все, что можно, взять
Все пережить, все испытать!
Жить полной жизнью, хоть немного
Разбить позорный плен цепей
Моральных правил стадной силы.
Порвать железное «не смей»,
Которым скован путь людей
Со дня рожденья до могилы.
Пока ж иду сквозь тьму и мрак.
Один. Не вижу искры света.
Но верю я, что как маяк,
Как лучезарная комета,
Потоком брызжущего света
Блеснёт огонь мне впереди
И озарит мой путь кремнистый
И сила тайная в груди
Мне говорит: "Иди, иди".
Ищи сквозь тьму и сумрак мгlistый».
И я иду. Дойду иль нет –
Одно грядущее ответит.
Когда же вспыхнет яркий свет

И цель, цель жизни мне осветит? 20/VI – 22 г.
О, Гелиос, великий светлый бог!
В твой голубой сверкающий чертог,
Жилище светлое небесного огня
Несется гимн наш, радостно звеня.

Великий бог, бог радости и света,
Благослови наш дружеский союз.
И нить нас воедино сливших уз
Пусть будет ласковым лучом твоим согрета.

Перед лицом сверкающим твоим
Мы не поем, гнусавя «Аллилуйя».
И дымом жертвенным тебя не оскверним.
Мы чтим тебя... воздушным поцелуем.

Михайловка, Весна 1923 года

* * *

Масюсюсенькая джин,
Глазики закрой.
Пусть тебе приснится Крым
И прибой морской.

Бабу старую Ягу
Учит кошка петь.
На скалистом берегу
Будем мы с тобой сидеть.

Ходит котик без сапог
В плисовых штанах.
Будем мы с тобой вдвоем
Ночевать в горах.

Ходит котик без штанов,
Он их потерял.
Борка Варсику свою
Крепко целовал.

Громко славит пчелок рой
Торжество весны.
Глазки черные закрой
И спокойно спи.

Масюсюсенькая джин
Глазики закрой.
Пусть тебе приснится Крым
И прибой морской.

Москва, Н.Басманная. Осень 1923 г.

* * *

Буйный ветер, сине море,
Шум прибоя – все для нас.
Мы, веселые, справляем
Нашей встречи светлый час!

Крепко любим мы друг друга,
Взор наш радостен и смел.
Мы одни из тех немногих,
Кто любовью жизнь согрел.

Пусть шумят сердито волны.
Час разлуки не пробил.
Мы любви и жизни полны,
Мы в расцвете юных сил.

Жизнь тропинкой узкой вьется,
Далеко еще идти.
Много радостей и горя
Испытаем мы в пути.

Смерть, разлука, дни ненастья —
Все наступит в свой черед.
А пока... Дорогу шире!
Борка с Варсикой идет.

Петровск. Июль 1925 г.

* * *

Тихий вечер догорает,
Блещут издали зарницы,
И бесшумной темной птицей
Мышь летучая порхает.

Воздух, зноем напоенный,
Тих, безмолвен, недвижим.
И как серый едкий дым
Призрак грусти затаенной
Тихо в душу заползает.
Грустно мне, что я один,
Что мой славный, любимый джиг
Дни тоскливо коротает
Одиночеством томим.
Грустно мне, что я не птица,
Не могу свободно взвиться
И в лазури голубой
Быстрый путь направить свой
В те края, где дорогая
С нетерпеньем ожидает
Нашей встречи светлых дней.
Грустно мне, что я не с ней.
Будь она, я б тихой лаской
Всю б ее заворожил,
Ручки, черненькие глазки
Поцелуями покрыл.

Кавказ. Лето 1925 г.

* * *

Слог мой первый в пешем взводе
Ты услышишь без труда.
У хозяйки, как приправу,
Слог второй найдешь всегда.

Третий слог – всего лишь буква
(Знаешь русский алфавит?)
Эта буква – пробный камень,
Ей путь к знанию открыт.

В целом тоже затрудненье
Испытаешь ты едва ль:
В нем все наше огорченье,
Наши вздохи и печаль.
 {Раз–лук–а}

* * *

Государыня ты моя, Варсеника,
Варсеника ты моя, свет Месроповна.
И по что же это Борке неможется,
По что душу его грусть-тоска сосет?

Ходит он целый день, как распаренный,
То приляжет, то встанет, то сядет вновь,
И грызет ему сердце печаль-тоска
По своей черноглазой, по Варсике.

То бывало весь день за работою
Не видать, как бегут часы быстрые.
А сегодня день тянется, тянется,
Отдыхаем во имя Господнее.

Завтра та же история скучная –

Будет праздник, но в честь революции.
И томится твой Борка, и мается,
Варсенику свою вспоминаячи.

Хорошо бы сейчас с милой Варсикой
По тропинке зеленой, болотистой
Босиком подбираться к сосеннику,
Любоваться на стройные сосенки,

И беседы вести полубовные.
Крепко-крепко обнявшись друг с дружкойю,
Целоваться, ласкаться и нежиться
На покрытой зелеными травами,

Окруженной кустами прогалине.
Крепко к сердцу прижать ненаглядную,
Целовать без конца в губы алые,
И шептать-говорить речи нежные,

Принимать поцелуи ответные,
Слушать говор знакомый и ласковый,
В руки брать ее смуглые рученьки
И считать поцелуями пальчики,

И ласкать ее черные волосы,
Заглядеться в глаза ее – искорки,
Где любимой душа отражается.
Или, взявшись за руки весело

И смеясь беспричинно и радостно,
Друг на друга смотреть долго-пристально
Взглядом нежным – любовным и ласковым.
Или, сбросив свое одеяние,

Варсик Борки не будет конфузиться,
Полоскаться в хрустальной прозрачности
И расплескивать брызги фонтанами,
И смеяться как... Борка и Варсика,
Точно малые дети беспечные,
Дети, крепко друг в друга влюбленные.

Июль 1925 г.

* * *

Вдали, где в мглистой дымке
Теряет силу взор,
Как в шапке-невидимке
Стоят громады гор.

В дни, пьяные от зноя,
И в пасмурные дни
Туманной пеленою
Окутаны они.

Но в день погоды ясной
Синеющей дали
Встают громады властной

Зубчатые шпили.

Как в сне замороженном
Безмолвные стоят,
И золотом червонным
Вершины их горят.

И снегом, вечным снегом
Покрыто их чело.
Пустился бы к ним бегом,
Да... время не пришло.

Ермоловка, лето 1925 г.

* * *

Ей-ей, сегодня день прекрасен,
Свод неба чист, прозрачен, ясен,
И всюду, взор куда ни кинь,
Глаз видит зелень или синь.

Дорожка лентою змеится
Вокруг стеною лес стоит,
Чуть слышно ручеек журчит,
Как славно из него напиться.

Сегодня жарко, знойный день,
А здесь прохлада, тишь и тень.
Вот берег речки, пляж, песок,
Вода, как зеркала кусок,

Спокойно небо отражает
И жестом царственным, без слов,
Меня купаться приглашает.
Купаться? Что же, я готов.

Одежда с смуглых плеч слетает,
Движенья быстры и легки.
Прыжок... и зеркало в куски
Разбито... брызги вверх летят,

Разбит об пень и Боркин лоб.
В глазах от боли искор сноп.
Мораль сей басни такова:
Не прыгай, не узнавши дна.

Кавказ, лето 1925 г.

Молитва

В час урочный, когда ты свершаешь свой путь,
Светлый месяц, краса чернооких ночей,
Позаботься и ты о любимой моей:
Передать ей привет от меня не забудь,
Поцелуй ее тихо лучом голубым...

1925 г.

Спустилось солнышко за горы,
День новый гаснет в свой черед,
И муэдзин у церкви скоро
Хвалу Аллаху пропоет:
«Ля–ил–Алла – Аллах Великий»
(Даю вам русский перевод).
На этот клич, на голос дикий
К мечети тянется народ.
Вам, вероятно, непонятно:
То церковь, а то вдруг мечеть.
Увы... Игра судьбы превратна,
Загадочна и непонятна,
Нам остается лишь терпеть.
И вот она (о. стыд и срам!)
В мечеть вдруг превратила храм.
Когда-то церковь здесь была.
По праздникам колокола
Вокруг торжественно гудели,
И певчие пристойно пели:
«Помилуй, Боже», но Аллах
Сильнее бога оказался,
Храм за чеченцами остался,
И хриплым голосом козла
Аллаха славит в нем мулла.
Вот потянулась вереница
Седобородых стариков.
Какие сумрачные лица,
Глаза горят, как у волков.
Они идут в мечеть молиться,

Услыша муэдзина зов.
А раньше здесь была станица,
Селенье вольных казаков.
Здесь под охраною штыков
Тянулась русская граница.
И крики дикие «Уррра!»
Умрем за батюшку-царя»
Неоднократно здесь гремели.
Не раз под веером шрапнели
Чеченцев дикая орда
Спасалась бегством, кто куда.
Казачки от восторга млели,
Когда казак на всем скаку
Чеченцу пленному башку
Ударом шашки боевой
Сносил начисто с плеч долой.
Но и чеченцы в свой черед
Казаку пленному живот
Пороли долго, аккуратно...
Вообще здесь было жить приятно,
Край был приволен и богат.
В садах зрел чудный виноград,
Цвели бахчи. Поля пшеницы
Тянулись верстами подряд,
Давая урожай сто крат
(Быть может, это небылицы,
Но так чеченцы говорят).
Теперь все пусто, только птицы
Над степью сонною парят.
Всего три года как вселилась

Сюда чеченская орда,
И все исчезло без следа.
Стоят заброшенные нивы,
Мелькнет заглохший редкий сад,
И там, где вился виноград,
Теперь растет одна крапива.
Земля бесплодием больна.
Тому, кто трудится лениво,
Дает печальный плод она.
Иная жизнь, иные нравы.
Чеченец больше для забавы
Мотыгой землю ковырнет
Разок, другой... и прочь идет.
И удивляется, чудак,
Что собирает на пятак
Там, где на сотни собирали.
Но все же сытно, без печали
Живет плодами рук своих.
Июньский вечер знойно тих.
Вдали стеною встали горы,
Сверкая шапками вершин
Кроваво-красных, как кармин,
В момент заката. У притвора
Ворот церковных собралась
Толпа во имя Магомета,
И щуплый, седенький мулла
Кричит надрывно: «Ля-аль-ла».
Похож чертовски возглас этот
На крик голодного осла
(Встречалось мне сравнение где-то,

Пишу его по трафарету).
Как перепуганная кошка,
Мелькнула куцая заря
И скрылась, красками пестря.

Ермоловка 1925 г.

* * *

Есть обычай у влюбленных
Посылать цветы в подарок,
Собирая их в букеты
Рано утром на заре.
Дорогая, будь ты близко,
Я осыпал бы охотно
С ног тебя до головы
Самым нежным, ароматным,
Самым лучшим видом их.
Но, родная, ты далеко,
И цветы мои увянут,
Не увидевши тебя.
Не пошлю тебе цветов.
Есть обычай у банкиров,
У купцов, заплывших жиром,
Вообще у тех, кто деньги
Ставит с счастьем на ряду,
Посылать любимым перстни,
Бриллианты и алмазы,
Ожерелья, диадемы
Или просто перевод.

И за это толстобрюхий,
Весь заплывший тусклым жиром
Тело женщины красивой
Получает напрокат.
Я – бедняк. И бриллианты
Для меня пустое слово,
Так же, как и для тебя.
Может в этом наше счастье,
Ибо всем давно известно,
Что любовь с богатством вместе
Очень трудно совместить.
Не пошлю тебе бриллиантов,
Ожерелья, диадемы
(Исключение – перевод).

Эх, и сторонущка!

Эх, и сторонущка! Горы высокие...
Люди чужие... Тайга без конца.
Где ты, любимая? Где ты, далекая?
Сушит кручина-печаль молодца.

Все-то тебя вспоминаю, родимая.
Взгляд твой, походку, улыбку твою
Где ты, далекая? Где ты, любимая?
Чуешь ли крестную муку мою?

Грусть бесконечная... Думы унылые...
Совести сердце бросает укор:

Сам виноват, променял свою милую,
Выбрал тоску и таежный простор.

Сам виноват, голова неотпетая,
Сам променял на скитанье покой.
Видно судьба моя мечена метою,
Выпал на долю мне жребий такой.

Тянут, зовут меня дали туманные,
В юности хочется все пережить.
Только... тебя не хватает, желанная,
Счастье большое и мука – любить.

1926 г.

* * *

Хочу тебе сказать, что я люблю, как прежде,
А может быть, сильнее в сотни раз.
Осталась ты одна, но не теряй надежды,
Настанет, наконец, желанной встречи час.

Мы встретимся и будем, как бывало,
Делить печаль и радость пополам.
Я в прошлом счастья давал тебе немало,
А в будущем еще, надеюсь, больше дам.

Хочу тебе сказать, что без тебя мне грустно,
И многое еще я про себя твержу.

Но это «многое» тебе одной лишь устно
Я через год при встрече расскажу.

Покойной ночи, девочка родная.
Надейся, не грусти, не унывай.
Мы через год с тобой в начале мая
Отпразднуем как следует свой май.

1926 г.

* * *

Голубеют небесные дали,
Ходит по небу круг золотой.
Дни прозрачно-лазурными стали,
Снова в воздухе пахнет весной.

Лес угрюмый проснулся и ожил,
Стала почкам одежда тесна.
Много весен на свете я прожил –
Это двадцать восьмая весна.

Что-то поздно ее я встречаю
Нынче в диком, суровом краю.
Вместе с этой весной провожаю
Пролетевшую юность мою.

Пронеслась... Отцвела... Отзвенела...
Эх, ты, буйная юность моя!
Отцвела ты черемухой белой,
Прозвенела, как трель соловья.

Все же с лесом и я оживаю,
Сердце радостно бьется в груди.
Счастлив я оттого, что не знаю,
Сколько весен еще впереди.

Май 1926 г.

* * *

Хорошо бродить на воле!
От тайги хмельна душа.
Лучше нет бродяжьей доли
Крова — лучше шалаша!

У меня шалаш — палатка,
Мой очаг, мой кров, мой дом.
Сплю, усталый, сладко-сладко
Не заботясь ни о чем.

Днём в тайге хожу, как пьяный,
По неведомым путям,
Останавливаясь станом
Нынче здесь, а завтра там.

Хорошо бродить на воле!
От тайги пьяна душа.
Лучше нет бродяжьей доли,
Крова — лучше шалаша!

1926 г.

Я стал иным, того не замечая.
Меня переработала тайга.
Теперь с уверенной улыбкой я встречаю
И друга моего, и моего врага.

Проходят дни, и крепнет мое тело
Работает отчетливо и стройно мысль.
Лицо мое на солнце загорело,
И мышцы силою упругой налились.

Сегодня день прозрачно голубеет,
Я в душевной комнате работать не могу.
В моей душе решение дерзко зреет,
Бросаю все и ухожу в тайгу.

Иду вперед – свободный, словно птица,
Задумчиво, наедине с собой.
Сквозь топкий мох вода кой-где сочится,
И лес стоит зеленою стеной.

Вокруг так хорошо, привольно и свободно,
А солнце Ниагарой льет лучи,
И кажется, что день одет сегодня
В одежды светлые из голубой парчи.

Август 1926 г.

* * *

Жизнь Алданская

(траги-юмористическая поэма)

С утра ревет гудок протяжно:
«Пора вставать, стряхните лень».
Наш Петя бранью трехэтажной
Встречает каждый новый день.

Ей-ей, паскудное житьишко,
Не мил порою белый свет.
Два месяца и даже с лишком
Я не держал в руке газет.

Семь сотен верст (не так уж много)
От тех невероятных мест,
Где есть железная дорога,
Где овощи и фрукты есть.

Но здесь живет иная раса,
Вегетарьянство не у дел
(С такою ненавистью мяса
Я никогда еще не ел).

Жаркое, бефы и котлеты,
Переплетаясь в винегрет,
Не выходя из рамок сметы
Нам подаются на обед.

Здесь все основано на смете,
На всем размеренность лежит.

Чертовски трудно в рамки эти
Мой скромный втиснуть аппетит.

А он чудовищен не в меру
И все растет, как снежный ком.
Сажусь к обеду волком серым,
Сажусь, и стонет все кругом.

С ухваткой дерзкого пирата
(Не вилку надо б мне, а лом)
Не пощажу родного брата
Я за обеденным столом.

И эта яркая картина
Невольный вызывает стон:
Он нарушает дисциплину,
Ведет себя, как "моветон».

Да, к дисциплине здесь привыкли,
Нельзя им в этом отказать.
Но только кстати и некстати
Здесь часто вспоминают мать.

Звучат пикантно анекдоты,
Бьет матерщина через край,
Цветут площадные остроты,
Ну, словом, не житье, а рай.

И в эти светлые моменты
Я говорю себе «Борис,

Здесь собрались интеллигенты,
Смотри и разуму учись».

Но это дети полусвета,
А вот пробраться б в высший свет...
Увы, к несчастью поэта
«Свет» не приходит на обед.

Предтрест, Помпред, Завтехотделом
Взирают свысока на нас.
У них девиз: «Все время – делу.
А для потехи – только час».

По этой, видно, по причине
Дела идут и вкривь, и вкось.
Цветет расхлябанность малиной,
Цветет российское «авось».

Предтреста, сын Иерусалима
(обличье грека выдает),
Направив в небо нос орлиный,
К обогащению трест ведет.

Оставим лучше трест в покое...
На то свои причины есть.
Здесь положение иное,
Чем возле населенных мест.

И здесь коротки разговоры:
Раз-два и смотришь – ваших нет.

Не все ж преступникам и ворам
Смотреть в решетчатый просвет.

Не развиваю эту тему,
А то получится нытье.
Итак, кончаю я поэму
Словами: «Скверное житье!»

Июль 1926 г.

* * *

Ярко, ярко вспоминаю сердцу милую картину:
Тихий, кроткий, полусонный облик родины моей.
На низинах возле речки отцвела уже калина,
Но в садах еще ночами звонко плачет соловей.

Теплый вечер пал на землю – нежный, ласковый и
тихий.

На селе зажглись, зардели, замерцали огоньки.
Из-за леса выплыл месяц, смолкли песни, смолкли
крики.

Нарушают тишь ночную лай собак да шум реки.

Тишина, покой, приволье. Хорошо сейчас вдвоем
С милой сердцу плыть на лодке в этот поздний час
ночной.

Гладь реки вся в лунном свете, отливает серебром,
Борозда воды с журчаньем тихо плещет за бортом.

Хорошо, обнявшись крепко, по росе идти вперед
И целуясь крепко, жадно, речи нежные шептать.
На душе покой и счастье. Ни тревоги, ни забот.
Хорошо вдвоем с любимой ночь до света коротать.

Но любимая далеко. Я один сижу, тоскуя.
Ночь. В открытое окошко тихо льется лунный
свет,
И никто меня, обнявши, не подарит поцелуем,
Не согреет теплой лаской. Никого со мною нет.

1926 г.

* * *

Помню, как в детстве, читая Жюль Верна,
Вдаль устремляя задумчивый взгляд:
«Будет дано мне», шептал я, «наверно
Все, что написано здесь, испытать!»

И предо мной, как на киноэкране,
Мчался видений заманчивый ряд:
Вот я несусь по волнам в океане,
Новые земли плыву открывать.

То весь израненный, жаждой томимый,
Долго скитаюсь в далекой стране.
То на врагов обрушаюсь лавиной,
Лихо несясь на степном скакуне.

Крепки, как сталь, закаленные нервы,
Я – путешественник, воин, герой.
Всюду – в боях, приключениях – первый
Тешусь кровавой опасной игрой.

Как хорошо, как чудесно мечталось...
В жизнь воплотить этих грез я не смог.
Детство ушло, но от детства осталась
Жажда неведомых, новых дорог.

Тайга, сентябрь 1926 г.

* * *

Вокруг кайма темнеющего леса,
Сугробы снега, тусклый небосвод.
Сквозь мглистую, туманную завесу
Чуть видны огоньки далеких смутных звезд.

Мороз до сорока семи уже добрался.
Термометр падает. Стоит антициклон.
На нартах узеньких куда-то вдаль промчался
Закутанный в меха скиталец-орочен.

Как призрак пролетел, растаяв в отдалении,
В туманном мраке скрылся, утонул.
И снова в воздухе ни звука, ни движения,
Как будто мир оцепенел, заснул.

Заснуло все. Стоит тайга безмолвно,
Морозный воздух тих и недвижим,
И лезут в голову назойливо, упорно
Мечты дразнящие: ты, солнце, море, Крым.

Алдан 1926 г.

* * *

Слышишь в небе крик гусиный?
Крик гусиных вольных стай?
Мчит когорта за когортой,
Улетая в теплый край.

В синем небе четко виден
Треугольник темных тел,
Что с гортанным резким криком
К солнцу, к югу полетел.

Дальше... дальше... чуть заметен...
Слился с небом и исчез.
А вокруг рыданье ветра,
Пятна снега, хмурый лес.

Эх, кабы да мне бы крылья,
Чтобы мог за ними вслед
Я с гортанным звонким криком
К солнцу, к милой полететь!

1926 г.

* * *

Тебя я часто, часто вспоминаю,
Всегда со мной ты – в мыслях и мечтах.
Но смутен облик твой стал в памяти, родная,
И нету яркости былой в твоих чертах.

Прошедшее окуталось туманом
И кажется далеким светлым сном.
Но с каждым днем сильнее в сердце рана
Тоски и боли. Боли об одном:

О том, что я один, что нет тебя со мною,
Что вновь мой путь, как прежде, одинок,
Что мы с тобой чужою стороною
Разлучены на долгий, долгий срок.

Проходят дни безрадостной гурьбою,
На душу каждый час кладет свой серый след.
Так грустно сознавать, что нет меня с тобою,
И что тебя со мной, родная, нет.

Ноябрь 1926 г.

* * *

Эх, закинула меня, молодца,
Судьба злая в чужую сторонушку.
Гибнет сила моя, гибнет молодость,
Дни проходят без ласки, без радости,

Тяжело коротать в одиночестве
Дни и ночи суровые, зимние.
А на родине ждет меня милая,
Ждет, тоскует, томится, желанная,

Пишет письма тоскливые, нежные:
«Приезжай, мой голубчик, мой ласковый,
Вся душа исстрадалась, измаялась
За тебя дорогого, любимого».

Что сказать, что ответить любимой мне?
Ведь и я исстрадался, измаялся,
Подружился с кручиною лютою,
Со змеею тоской лиходейною.

Улетел бы я вольною птицею
Да сковал себя цепью железною.
Я сижу, как в тюрьме, за решеткою,
А вокруг меня горы высокие

Да таежная глушь бесконечная.
Ветер песни поет заунывные,
И танцуют метели крылатые,
Как покойники, в саван одетые.

Не тоскуй, не кручинься, любимая,
Поглядит по-весеннему солнышко,
Запестрят, затемнеют проталины,
Кандалы ледяные, разбитые

Понесут с шумом реки вспененные.
В это вешнее время, желанная,
Вновь с тобой мы на родине свидимся.

Январь 1927 г.

* * *

Отзвенела песня вьюжная.
Глушь. Безлюдье. Тишина.
Из-за гор ладьей жемчужною
Тихо выплыла луна.

Притаились тени черные,
Заяц быстрый на бегу
Разметал следы узорные
На серебряном снегу.

Небо блещет пылью звёздною.
Боль на сердце затая,
Грустно смотрит ночь морозная,
Одинокая, как я.

Январь 1927 г.

* * *

Суровый край, ворвавшийся в сознание
На гребне мощной золотой волны.
Для многих стал ты символом страданья.
И грезы многих лишь тобой полны.

Заброшенный в стране, где спит оцепенело
Природа девять месяцев в году,
Ты переплавил серебро метелей
На золотую желтую руду.

И желтые, тяжелые снежинки,
Порхавшие когда-то под водой,
Творят бумажные метели на Ильинке
В Госбанковской уютной кладовой.

Морозный день. Блестит алмазно солнце,
Бутары весело в разрезе говорят.
И где-то далеко хрустящие червонцы,
Тобой зачатые, ложатся в плотный ряд.

Февраль, 1927 г.

* * *

Давно ли я маленьким был,
В коротеньких бегал штанишках,
Играл беззаботно, шалил,
Был бойким и шустрым мальчишкой.

Давно ли меня моя мать,
Фигуры из кубиков строя,
Шутливо учила читать
Забавной веселой игрою.

Волос золотистая рама,
 Лица дорогого овал.
 Давно ли я в слове «мама»
 Весь мир для себя воплощал.

Февраль 1899 г.

Юлия Николаевна –
 мать Деда

Так было чудесно и славно
 Таковую опору иметь.
 Давно ли? Как будто недавно,
 А сколько прошло уже лет...

1927 г.

* * *

Черный вечер стоит у порога,
И рыдает метель у дверей.
Протянулась печальной дорогой
Вереница безрадостных дней.

Щурит лампочка желтые веки
И с усмешкой кривой шепчет мне,
Что, быть может, улягусь навеки
Здесь я в дальней чужой стороне.

Без жены, без любимой, без друга
Скоро, может быть, час мой пробьет.
Отпоеет меня жалобно вьюга
И пушистый сугроб наметет.

Ветер мечется хищною птицей,
Вьется, бьется, стучится в окно.
Не спастись, не уйти, не укрыться
От того, что тебе суждено.

То, что будет, густой пеленою
Скрыто, скрыто навеки от нас.
Буду ль снова я этой весною
Слушать вещий кукушечий сказ?

Видеть милые черные очи,
Мотыльков прихотливый полет.

Наблюдать, как сверкая, грохочет
Ярких молний причудливый взлет?

Как в прозрачной бездонности тают
Облака, не оставив следа...
А быть может... Кто скажет? Кто знает?
Кто ответит? Никто... Никогда...

Февраль, 1927 г.

* * *

Ранним ясным утром, узенькой тропинкой,
Грустно напевая, я один иду.
Солнце, как большая желтая кувшинка,
Распустилась тихо в голубом пруду.

Тишина. Безлюдье. Небо сине-сине.
Лаской бирюзовой дышат эти дни,
И под пеплом снега на ветвях рябины
Тлеют, догорая, красные огни.

Заяц быстроногий пересек тропинку,
Разметав узорно бисерную вязь.
И блестят алмазно искорки-снежинки,
В воздухе морозном весело кружась.

Отчего ж так грустно? Отчего тоскливо?
Отчего печально на душе моей?

И душа, и тело – все слилось в порыве,
В жадном ожиданье теплых вешних дней.

Февраль 1927 г.

Песня о чёрте (юмореска)

Софья Ивановна (в ужасе): ... Не может
быть! Что вы говорите?! Но ведь он же
страшен, как черт!!!

Варсеник (уныло): Любовь зла, полюбишь и
козла.

Любовь Захаровна (жеманно поджав губы): Я
бы предпочла барана.

Борка (любезно): Господа, о вкусах не спорят.
Варсика падает в Боркины объятья. Играет
музыка.

Занавес

Много ласковых названий
Слышал в жизни я своей:
И урод, и образина,
И отпетый дуралей.

Второсортные названья
И названья «первый сорт»
В знаменателе имели,
Что я страшен, точно черт.

Черт, так черт! Я принимаю
Эту кличку навсегда.
Некрасивым быть, ей богу,
Не такая уж беда.

В нежном возрасте, бывало,
Скорби не было конца.
Все, пожалуй, я отдал бы
За красивый штрих лица.

Жизнь казалась безотрадной.
Я решил в двенадцать лет,
Что с наружностью такою
Мне на свете счастья нет.
Был уверен безусловно,
Что любви достоин тот,
У кого красивый профиль –
Будь хоть это идиот.

(Впрочем, часто так бывает,
Жизнь примеры нам дает:
Идиот с лицом красивым
Чаще выигрыш берет).

Силе, ловкости, отваге
Я значенья не давал.
Херувим с лицом Нарцисса
Был мой первый идеал.

Креп и рос я понемногу,
И настал блаженный час —
Стал совсем мне безразличен
И мой профиль, и мой фас.

Идеал переменялся:
Сила рук и сила ног —
Вот единственно чему бы
Позавидовать я мог.

Херувим мне стал противен,
Красота была виной.
Много бедных херувимов
Было сильно бито мной.

Много подвигов чудесных
В эти годы я свершил.
Жаль, что в памяти остались
Лишь два слова: «били», «бил».

Я сейчас не так уж молод...
Ну, а все же иногда
Встрепенется ретивое,
Как в прошедшие года.

Все же я переменялся,
Выбрал новый идеал:
Полюбил природу жадно
И бродягой вольным стал.

У меня немало силы,
И отвага в сердце есть.
Много вынес я такого,
Что другим не перенести.

Хорошо бродить по свету,
Видеть новые места
(Черти тоже понимают,
Что такое красота).

Я люблю воды журчанье,
Шёпот леса, солнца свет.
Но..., милей моей чертовки
Ничего на свете нет.

И она, поди, томится,
Без меня ей нудно жить.
Как ни странно, но и черта
Тоже могут полюбить.

Верю я, что буду счастлив,
Что не вылечу за борт.
Я веселый, некрасивый,
Беззаботный любой черт.

Зима, 1927 г.

Помню первое сражение.
Крик команды – «Стройся в ряд!
Шагом марш!» – и из деревни
Выступает наш отряд.

Утро серенькое тает,
Продвигаемся вперед.
За деревней нас встречает
Звонким лаем пулемет.

Одно короткое мгновенье
Я был приятно изумлен:
Веселых жаворонков пенье
Неслось ко мне со всех сторон.

Но вдруг в сознании блеснуло,
Что это не прогулка – бой.
Что эти жаворонки – пули,
Свистящие над головой.

Я, признаюсь, струхнул немного,
Попав впервые под обстрел.
Ругнул кого-то в крест и в бога
И бессознательно присел.

Присел и осознал обидно,
Что страшно мне, что я боюсь.

И вдруг мне стало стыдно, стыдно...
Тьфу, черт... неужели я трус?

Гляжу, ребята гнутся тоже,
В коленях дрожь, испуг в глазах,
И их расстроенные рожи
Открыто выражают страх.

И вдруг все мы расхохотались,
Веселье, ужас – где предел?
Один из нас, безусый малец,
Споткнувшись, в лужу полетел.

И страха точно не бывало,
Внезапно как-то он исчез...
За красным каменным вокзалом
Каймою черной вьется лес.

Из-за вокзала нам навстречу
Веселый враг гостинец шлет:
В момент затишья залп картечи
Железным визгом воздух рвет.

На полсекунды опоздала
Команда: «Рассыпайся в цепь!»
К земле навеки приковала
Троих из нас стальная крепь...

Алдан. Февраль 1927 г.

Портрет сатира

Герой рассказов, анекдотов, басен,
Он иногда по своему прекрасен:
Глаза, как ночь, сверкают златом зубы,
Как сажа волосы и как гвоздика губы.

Немного, правда, тощеват костяк,
Но в этом, говорят, особенный есть смак,
Когда худой, тщедушненький мужчина
Пылает страстью словно Мессалина

(Была такая дамочка одна
В давно забытые былые времена.
Она всемирную известность получила
За свойства редкие присущего ей пыла).
Но, впрочем, женщиной была ведь
Мессалина,
А наш герой – доподлинный мужчина.
Вот в этом-то и корень преткновенья.
Но что бы это выбрать для сравненья?

Сатир? Оно, пожалуй бы, годилось,
Но тело моего героя изнашивалось,
И в чреслах нет уж мощности былой,
Сравни, а он ударит вдруг отбой,

Ну, и сконфузишь музу перед миром.
Кой-как, с трудом, его полусатиром

Пожалуй, я могу еще назвать,
Но подобрать сравнение на «ять»

Я не берусь. Надеюсь, вы согласны
И примите сие единогласно.
Но, нет, я вижу против двое.
Ах, это две руки героя!

Голубчик мой, зачем, зачем скулить,
Не стоит волноваться, спорить, охать.
Конечно, жаль, что этакую похоть
Достойно не хотят другие оценить.

Не плачь обиженно, мой милый,
Немножко отдохнешь, накопишь силы,
Накопишь страсти целый океан
И, превратясь в пылающий вулкан,
Себя покажешь перед миром
Достойным зависти сатиром.

1927 г.

* * *

Опять пустилась кровь вприсядку,
Порвалась сдержанности нить:
Хочу, горя истомой сладкой,
В твоих объятьях снова быть.

Хочу забыться в пьяной сказке,
Кровь бьет потоком жарких струй,
Хочу, чтоб жаждой знойной ласки
Насквозь прожег нас поцелуй.

Одежды наши сбросить смело
И пылко, горячо любя,
Твое трепещущее тело
Привлечь к себе. Хочу тебя.

Хочу тебя. Но это мало.
Сам жажду слышать твой призыв,
Чтобы и ты огнем пылала,
Все, все на свете позабыв.

Чтоб и в тебе, звеня, запела,
Кровь жаркой пьяною струей.
Хочу, чтоб ты меня хотела
С такой же страстью огневой.

Алдан, зима 1927 г

С прибытием домой

Всё вычищено, прибрано, готово.
Добро пожаловать! Мы с нетерпеньем ждем.
Полмесяца отсутствия ... и снова
Хозяйкою войдешь ты в этот дом.

Смотри, как здесь тепло, уютно, чисто стало.
Полы блестят. Термометр лезет вверх.
Сказав нам с Танею, что сделали мы мало,
Ты совершишь, по меньшей мере, грех.

Тебя и дочика мы слезно умоляем:
«Ногами гневными не топайте на нас».
Ведь мы, к несчастью, досконально знаем,
Что много вин найдет ваш зоркий глаз.

Итак, войдите к нам с улыбкою веселья,
Мы от души привет вам посылаем свой.
Я дочку поздравляю с новосельем,
Тебя ж, Варсунь, с прибытием домой.

Москва, январь 1928 г.

* * *

В ясном небе ярко светит солнце,
День прозрачен, тих и золотист.
Скоро, скоро зазвенит червонцем,
Осыпаясь, пожелтевший лист.

Скоро, скоро все вокруг покроет
Пуховая мягкая постель,

И в морозном воздухе завоет,
Закружит косматая метель.

На душе темно и одиноко,
Я, усталый, еду и пою.
И, храпя, косит пугливым оком
Конь на песню буйную мою.

Я пою о родине далекой,
Ставшей смутным потускневшим сном.
О своей подруге черноокой
И о прочем милом и родном.

Чем грустней, тем радостней мотивы,
Веселей их спутанная сеть.
Если сердцу больно и тоскливо,
Пой, покуда хватит силы петь.

Тува, 16 сентября 1928 г.

Енисей

Я ей-же-ей в него влюблен!
На солнце весело сверкая,
Широкой лентой режет он
Сибирь от края и до края.

Прорвавши Становой хребет,
Гремя разбитыми цепями,
Он полосу вспененных вод
Мчит Минусинскими степями.

А дальше, средь тайги густой,
Где горы высятся нестройно,
Он, величавый и простой,
Течет лениво и спокойно.

Какая ширь! Какая гладь!
Навряд ли кто сказать посмеет,
Что можно где-нибудь найти
Реку прекрасней Енисея.

1928 г.

* * *

Вокруг, куда ни кинешь взгляд,
Лохмотья облачного дыма.
Хотел бы я, как год назад,
Пройтись с котомкою по Крыму.

Мне надоел угрюмый лес
И эти сумрачные горы.
Хочу опять услышать плеск
Лазурно-голубого моря.

Хочу без усталости вперед
Шагать, подставив солнцу тело,

Чтобы оно и в этот год
Опять, как бронза, загорело.

И вот встает передо мной
Полузабытая картина:
Вновь льется с неба жгучий зной
И вновь мелькают виды Крыма.

Эх-ма, какая красота!
Не быль, а подлинная сказка.
Какие дивные места,
Какие радужные краски!

Тропинка лентою крутой
Скалистый берег огибает,
И волны резвою гурьбой
На камни с шумом набегают.

Вдали сверкает парус белый,
Вода струится за кормой,
Рыбак свой челн рукой умелой
В простор направил голубой.

Внезапно вдруг поверхность моря
Прорежет черный острый клин.
То чертит плавником узоры
Плывущий медленно дельфин

Взлетает белых чаек стая,
Гагара тихо проплывет.
А море, все не умолкая,
Волной игривой в берег бьет.

Мечты, мечты... Пора проснуться,
Пора расстаться с милым Крымом.
Опять перед глазами выются
Седые тучи серым дымом.

Вокруг стеною лес суровый
В немом безмолвии стоит,
И вместо неба голубого
Опять в окошко дождь стучит.

Тува, 12 августа 1928 г.

Сойоты

В кибитках грязных где-нибудь в долине —
Была бы для скота лишь пища да вода —
Они живут, как некогда в пустыне
Их предки жили сотни лет подряд.
От этих предков прочно переняли
Они свой жалкий кочевой уклад,
И эти древние кремневые пищали,
И неизменный красочный халат.

Доселе цел пустынный пережиток,
Когда являлась ценностью вода:

Сейчас, кочуя там, где рек избыток,
Они не моют тела никогда.

От них несет тяжелым смрадом тленья
Одежда носится, покуда не сгниет.
Вот почему с враждою и презреньем
Здесь говорят насмешливо: «сойот».

1928 г.

* * *

Смешав кармин, лазурь и позолоту,
Заря мне обещает дивный путь.
Я после дня томительной работы
Наедине, спокойно, без заботы

Хочу душой немного отдохнуть.
Уйти туда, где вздыбленную гривой
Стоит утесов сомкнутая рать.
Чтоб на краю отвесного обрыва

О родине далекой помечтать.
И вот сию среди обвалов голых,
Внизу бурлит и пенится река.
А на душе от мыслей невеселых
Тоска, глубокая гнетущая тоска.

Тува 18 сентября 1928 г.

Осень, осень наступает.
Сразу вдруг похолодало,
На вершинах оголенных серебрится первый снег,
Хвоя лиственниц кудрявых безнадежно
пожелтела,

Дней безоблачных и ясных все стремительнее бег.
Все длиннее и длиннее тьмой окутанные ночи,
Утром коркой ледяною покрывается вода.
Чаще ветер завывает. Дни холодные короче.

Солнце ласково пригреет разве только иногда.
Но зато какие краски! Сколько юного задора,
Сколько жизни, сколько света, переливов и огней.
Пораженный, в восхищеньи, отвести не можешь
взора
От роскошного наряда этих ярких, ясных дней.

Скоро, скоро все увянет. Потемнеет неба просинь,
Не блеснет улыбкой ясной золотой горячий луч.
Под напев унылый ветра зарыдает горько осень,
Затуманенная тканью молчаливых темных туч.

Тува, 21 сентября 1928 г.

Приискатель

(Всем бродягам предостережение)

В морщинах загорелое лицо,
Лучистые глаза, глубокие, как море.
Он мог бы быть чудеснейшим отцом.
Да слишком полюбил таежные просторы,

Чтоб вовремя обзавестись семьей
И мирно жить в какой-нибудь деревне.
Еще мальчишкою с лопатой и сумой,
Лохматым псом да шомполкою древней

Он из дому тихонько убежал
С приятелем таким же шалопутным,
И с этой ночи поворотной стал
Тем, что он есть – бродягой бесприютным.

В его рассказах золото и кровь,
Тайга и тяжкая надрывная работа,
Да редкая продажная любовь,
Как в ржавом куполе кусочек позолоты.

Не раз он из тайги богатым уходил,
Но все повыманили водка и дивчаты.
Немало золота за жизнь свою пропил
Вот этот самый дядя бородатый,

Который, сидя пред моим костром,
Склонив печально голову седую,

Мне говорил медлительно о том,
Что жизнь его проведена впустую.

Тува, 21 сентября 1928 г.

Постылая работа

День начался, как всегда,
Хмурой, пасмурной заботой:
Если весел гимн труда,
То уныла песнь работы.

Люди оба слова чтут,
Я же разницу в них вижу:
Уважаю вольный труд,
А работу — ненавижу.

Может быть, мой довод слаб,
Но в работе есть неволя:

В этом слове корень "раб"
Говорит о рабской доле.

Потому-то каждый раз
Равнодушно, без охоты,
Я иду, в урочный час,
На постылую работу.

1928 г.

Вятская губерния –
Болота да леса.
Вьется рельс блестящая
Стальная полоса.
Пятнами рассыпаны
Выплески полей.
Не грусти, любимая,
Смотри веселей.
Трясется, качается
Зыбкий вагон.
Будущее – греза,
Прошедшее – сон.
Что-то нас, родная,
Ждет впереди?
Не томись, не сетуй,
Надейся и жди.

Вятка, июль 1928 г.

* * *

Опять настали дни разлуки,
Уж, видно, жребий мой такой:
Взять посох ожидания в руки
И опоясаться тоской.

1928 г.

* * *

Степь широкая без края, без конца
Пораскинулась на много-много верст,
Под дугою звонкий лепет бубенца
Заглушает дребезжащий стук колес.

Кони бойкие летят во весь опор,
Колокольчик заливается, звенит.
Этот девственный нетронутый простор
Красотой своей чарует и манит.

Без конца бы мчаться так, вздымая пыль,
Небо синее смеется с высоты,
По бокам стоит, волнуется ковыль
И пестрят полуувядшие цветы.

Вдалеке синеют смутно цепи гор.
Хорошо! Да что-то мается душа.
Ни бубенчики, ни воля, ни простор
Этой сумрачной тоски не заглушат.

Не уснёт теперь у милой на груди,
Не склонится к ней хмельная голова.
Русь осталась за горами позади,
Здесь – преддверие Монголии – Тува.

1928 г

* * *

Здесь целый выводок суровых, хмурых гор,
Заросших доверху зеленою щетиной.
В густой тайге пестрят кой-где плешины:
То осыпь серая, то каменный бугор.

Таких плешин разбросано немало
Над грудями наваленных камней.
Местами дыбятся взлохмаченные скалы,
Свидетели давно минувших дней.

По берегам реки отвесные обрывы
(Весь Иликем течет меж этих круч),
И по небу, трясая седою гривой,
Плывут медлительно громады серых туч.

Вторые сутки дождь без перерыва
Стучит назойливо в мое окно.
Любимая моя! Так грустно, так тоскливо,
Как будто бы я здесь уже давно-давно.

Как будто для меня уж нет совсем надежды,
Что я с тобой когда-то встречусь вновь...
Но сердце знает ведь, что будет все, как
прежде,
И радость светлая, и яркая любовь.

А если так, пускай душа поплачет,
Как в прошлом плакала она уже не раз.

Пусть это далеко, но все ж вдали маячит
Свиданья нашего прекрасный, жданный час.

1928 г

* * *

Местность выглядит убого,
Степь безлюдная вокруг.
Плавит небо желтый круг,
Вьется пыльная дорога.

Придорожные кусты
Сизо-серые от пыли
Безнадёжно опустили
Полумертвые листья.

Даль затянута слегка,
Точно шапкой-невидимкой,
Синеватой тонкой дымкой.
В небе тают облака,

И блестит издалека,
Окаймленная аллеей
Из зеленых тополей,
Серебристая река.

Безотрадная картина:
Ни полей, ни деревень.

Зноем пышет ясный день,
Воздух пламенем горит...
Даже солнце на чужбине
Не ласкает, а палит.

Август, 1928 г.

* * *

Покинул я родимые просторы,
Поля широкие, зеленые луга.
Вокруг опять кольцом сомкнулись горы,
Опять над головой шумит тайга.

Брожу весь день по гребням и увалам,
Напрасно трачу молодую прыть.
Ведь сердцу надо очень-очень мало:
Любимым быть и самому любить.

Зачем я здесь? Пожалуй, не отвечу.
Быть может, зря, а может, и не зря...
Спускается на землю тихий вечер,
И красками пестрит румяная заря.

Сижу у выхода золотоносной жилы,
Паденье – тридцать, азимут – сто пять.
А пред глазами вьется облик милый,
И родина зовет меня опять.

Август, 1928 г.

Сижу на выступе отвесного обрыва,
Внизу бурлит и пенится река,
А надо мной плывут без перерыва
Свинцово-серые сплошные облака.

Вокруг угрюмо, сумрачно и дико,
Стоят громады вздыбленных камней,
Лиловым кружевом рассыпана черника
Меж узловатых спутанных корней.

Щекочет ноздри затхлый запах гнили,
Разлитый в сумрачной холодной полумгле.
Деревья чахлые стволы свои скривили
В борьбе за каждую расщелину в скале.

Здесь каждый шаг дается только с боя,
И помощи тебе никто не может дать.
Вот почему мертвящего покоя
На всем лежит зловещая печать.

. Тува, 9 августа, 1928 г

Люди, лошади, квартиры,
Сани, тракторы, сортиры
День и ночь, и там, и тут
Нервы папины сосут.

Он бледнеет и худеет,
Плохо спит, не есть, звереет

На своих и на чужих:
Скоро папа станет псих.

Поведет его по улице
Мама к доктору Маргулису*.
Станет спрашивать тревожно:
«Папу вылечить возможно?»

И Маргулис с видом важным,
Гордый званием и стажем,
Перст поднявши указательный,
Скажет ей иносказательно:

«Вам бояться нет причины.
Прочь отбросив все сомненья,
Будьте, дамочка, женщиной —
Психов лечат сульфидином,

Без надежды на спасенье.
Впрочем, это ведь не значит,

Что нельзя его лечить...»
Мама бедная заплачет,

Папа горько замычит.
И однажды лихо с Магадана
Самолет к Охотску подрулил.
Опоздали: этим утром рано

На кладбище папу отнесли.
И на свежей папиной могилке
Кто-то мудрый скромно начертал:
«Человека должность погубила –
Он администратором не стал».

Маргулис был доктором Экспедиции.
Отсидев 10 лет в лагерях, он, освободившись,
не смог уехать домой (в военное время никого
на «материк» не отпускали). Потеряв
квалификацию, он к случаю и не к случаю
всем выписывал модный в те дни сульфидин.

1928 г.

* * *

Здравствуй, матушка-красавица тайга!
Ну, не хмурься, не гляди сурово,
Принимай же гостя дорогого,
Да как друга, а не как врага.

Я пришел к тебе, родимая, с поклоном –
Помоги, родная, помоги!
Говорят, что золотом червонным
Погреба набиты у тайги.

Говорят, что у тайги в подвалах
Много руд и камней дорогих.
Удели же мне, родная, малость
От богатств бесчисленных твоих.

У тебя все это очень хитро скрыто.
Покажи же мне к твоим богатствам путь:
Расскажи, где золото зарыто,
А уж я его достану как-нибудь.

Ничего тайга мне не сказала,
Только ветер глухо прошумел:
«Наглецов таких я видел очень мало,
Уходи-ка, друг, покуда цел.»

1928 г.

Таёжникам

В той стране, где не слышали слова «телега»,
И где лед можно видеть почти круглый год,
По кисельному месиву талого снега
Мы упорно шагаем вперед.

А за нами в холодной воде по колени,
Безответно и кротко мученья терпя,
Тащат грузные нарты худые олени,
Выбиваясь из сил, задыхаясь, хрипя.

Дни за днями идут, но до цели далеко.
Что же делать, товарищ. Стиснув зубы,
молчи.
Солнце с неба глядит ослепительным оком,
Белопенно бурунясь несутся ключи.

Пусть до крови натерты усталые ноги.
Терпеливо шагая и ночью, и днем,
По безлюдной тайге, без пути и дороги
Мы, к намеченной цели, дойдем.

Эти строки – измученный, мокрый, но
гордый,
Я писал у костра в 35-ом году.
А теперь наша смена упрямо и твердо
Из-за мелочи каждой бубнит: «Не пойду

На работу, в проклятую эту тайгу.
Я геолог. Я спец. Не хочу. Не могу.
Мне ехать в поле неохота.
Ведь это же кошмар и бред.

Какая может быть работа,
Когда к палаткам тентов нет.
Работать в бязевых палатках
Позор. Я не могу молчать.
Ведь за такие неполадки
Под суд бы надо всех отдать".

Бубнит и лезет вон из кожи
Упрямый взрослый идиот.
Как попугай одно и то же
Твердя: «А если дождь пойдет

И будет ливень перманентный,
Ведь это страшная беда.
Нет, в поле выехать без тента
Не соглашусь я никогда».

Таких «работников» бывало
К чертям, в три шеи, гнали вон.
Беда, что кадров очень мало,
А то бы был вопрос решен.

Боривар

* * *

На свете разные есть люди,
Жизнь от стандарта далека.
Не только молодые любят –
Дано любить и старикам.

Одним дано чадить и тлеть,
Другим искриться и гореть,
Причем, порой пылая ярко,
Не так, чтоб лишь едва-едва,

А так, «чтоб небу было жарко»,
Чтобы кружилась голова,
Чтоб в сердце с неизбывной силой
Звучал напев – люблю..., любим,

Чтобы целуя грудь у милой
Ты становился молодым.
И чтоб она, твоя подруга,
Твоя любовь, напарник твой,

Целуя исступленно друга,
Шептала: милый, дорогой.
Ведь это же такое счастье
Познать тебя, назвать своим...

Любить, сгорая в горне страсти,
Дано не только молодым.

* * *

В е р е

Тебе, сестра, твой брат поэт
Шлет свой рифмованный привет.
Да сохранит на много лет
Тебя судьба от всяких бед.
Цвети, алей, как маков цвет,
Пусть украшают твой обед
Гирлянды жареных котлет.
И помни братский мой завет:
Чтобы пробраться в высший свет,
Тебе необходим корсет,
Колье из золотых монет,
Жемчужных дюжина браслет
И верный спутник, некто Z
(Неважно рыжий иль брюнет).
А если муж от этих смет
Уйдет сердито в кабинет,
Ты, выбрав время tet-a-tet,
Когда он будет перегрет,
Скажи ему сурово: «Нет».
Запомни твердо мой совет,
Хоть он и стар, как трафарет,
Но это «нет» – как амулет,
Как острый режущий стилет,
Тебе проложит верный след
В заветный мужний порт-монет.
Когда же «номер» будет спет,
Сними супружеский запрет

И мужу дай сезон-билет
На право петь с тобой дуэт.
Прими ж мой дружеский сонет.
Надеюсь, этот винегрет,
Шутливый братнин рифмобред
Тебе послужит не во вред.

* * *

Что мне делать, я не знаю,
Я страдаю и скорблю:
Сразу в двух влюблен я страстно,
Сразу милых двух люблю.

У одной душа родная,
Ласков, нежен кроткий взгляд.
У другой всегда прекрасен
Пышный красочный наряд.

И одной любим я крепко,
Счастья большего не жду.
Но другая пальцем властно
Поманит — и я иду.

Вновь иду к чужой, но милой,
В край, где холод и снега.
Я люблю тебя, родная,
Я люблю тебя, тайга!

Я борюсь. Борьба напрасна.
Чей я: этой или той?
Я одну целую страстно
И тоскую по другой.

Мозг болит, душа двоится,
Я в тисках меж двух огней.
Знаю, что вернусь к родимой,
Но опять уйду от ней.

* * *

Спешите жить, спешите жить
И все от жизни брать.
Ведь все равно, ведь все равно
Придется умирать.

Спешите жить, спешите жить,
Но помните одно:
Что только раз, единый раз
Жить в мире нам дано.

Кто хочет жить, кто любит жить —
Смысл этих слов поймёт
И только лучшие дары
Возьмёт от жизни тот.

В лучах зари, твоей зари
Все будет ярко рдеть:
И бриллианты, и стекло,
И золото, и медь.

Смотри, чтоб жажда больше взять
Тебя не увлекла:
Легко пропустишь бриллиант
И наберешь стекла.

Прельстишься блеском золотым
И меди наберешь,
Но равнодушною ногой
По золоту пройдешь.

И с тяжким грузом на плечах
Смеясь, пойдешь вперед,
Чтобы узнать в тяжёлый час,
Что ты банкрот, банкрот.

И может статься, духом пав,
Свалив вину на рок,
Умрешь с проклятьем на устах,
Спустив в себя курок.

Спешите жить, спешите жить,
Но помните одно:
Что только раз, единый раз
Жить в мире нам дано.

1928 г

Всё дела, да дела, да делишки:
Кончишь дело — на смену два.
Так, зарывшись в дела да книжки,
Не заметишь, как жизнь прошла.

А ведь жизнь только раз даётся!
Твёрдо помни одно всегда:
День прошел — уж он не вернётся,
Не вернётся к нам никогда.

Мы же жизнь ради корки хлеба
Отдаём другим день за днём...
А вокруг голубеет небо...
Небо? Небо?! Что толку в нём?!

М о р е

Всё в серебряном уборе,
Чуть дыша, трепещет море,
Нежно в берег бьёт волной.
И в плену суровой думы

Скалы черные угрюмо
Понависли над водой.
Треск цикад неугомонный,
Однозвучный, монотонный

В сонном воздухе звенит.
Вкруг всё спит, лишь даль морская,
Серебром живым сверкая,
Беспокоит и манит.

* * *

Будем смелы всегда и во всем,
Будем горды любовью нашей,
Пусть любовь будет нашим вином,
Сердце – полной до края чашей.

Лишь немногим дано любить,
Так, как нам дано, дорогая
Мы должны с тобой так прожить,
Чтоб могли сказать, умирая:

«Час урочный для нас пробил.
Что могли – мы от жизни взяли.
Покидаем мы этот мир
С сожаленьем, но без печали».

Осень, царевна якутская

В золоте кудри у осени вьются,
Весело смотрят глаза голубые.
Осень – царевна, царевна якутская,
Больше не верю я в рассказы злые.

Мне говорили, что ты неприглядная,
Бабища злая, угрюмая, хмурая.
Ты же смеешься, такая нарядная,
Ладная всем – и лицом, и фигурою.

В косы вплетаешь ты зори румяные,
Днем одеваешь червонный наряд.
Вся ты от солнца, от золота пьяная
Шлешь мне чарующий ласковый взгляд.

Смотрят глаза на меня бирюзовые,
Смотрят и весело, звонко смеются.
Слово сказала мне мудрое, новое
Осень царевна, царевна якутская:

«Полно грустить. Еще вволю натешисься.
Песня не спета твоя лебединая.
Снова на родине с милою встретишься,
С тою, что сердцем зовется – любимая».

* * *

В тихий вечер, поздним летом,
Сдвинув шапку набекрень,
Догорает алым цветом
Золотистый ясный день.

И, ногой притопнув лихо,
Спать уходит в свой шатёр.
Ночь на смену змейкой тихой
Выползает из-за гор.

Всё окутал бархат сочный,
Не видать вокруг ни зги.
Тихой ночью, тёмной ночью
Много песен у тайги

Скорби полный, издалёка,
Поднимаясь по кривой,
Раздаётся одинокий
Заунывный волчий вой.

Запевале отвечают
Голоса далёких втор,
Тьму ночную заполняет
Жутким воем мощный хор.

Льются стонущие звуки,
Нагоняя жуть и страх.
Сколько грусти, сколько муки
В этих диких голосах.

Будто там кого хоронит,
Скорби полная, родня.
Ржут испуганные кони,
Жмутся робко у огня.

Где-то рядом в берег тесный
Бьёт весёлый перекат,
Там поёт иные песни
Говорливая река.

В этих песнях мощь и сила,
Буйство удали живой.
В этих песнях встреча с милой
Радость жизни молодой.

И, в душе моей сплетаясь,
То звучит протяжный вой,
То звенит, переливаясь,
Буйство удали живой.

* * *

Есть люди жадные до власти.
Они – чтоб до нее дойти,
Готовы разорвать на части
Всех, кто им станет на пути.

Но разорвать не в честной схватке
Ударом веским кулака.
А остороженько, украдкой,
Тихонько, вскользь, исподтишка.

Чем подлость их души измерить?
Они при встрече, каждый раз,
Вам будут льстить и лицемерить,
Когда Вы с ними глаз на глаз.

Но отползя от Вас змеею,
За промежуток в пять минут,
Они сравниют Вас с землею
И за копейку продадут.

Так продвигаясь понемногу
Средь грязи, лжи и клеветы,
Они идут своей дорогой
По незавидному пути.

На хаевой Яне

Пишет лада мне моя:
«Расскажи, будь другом,
Как проходит жизнь твоя
За полярным кругом».

Правды я не утаю,
Лада чернобровая,
Расскажу про жизнь мою,
Жизнь мою хаевую.

С Магадана – вечный хай,
То и это плохо,
Ты хоть падай, хоть вставай,
Хоть ложись, хоть охай,

Все равно тебе грозит
Этакою фигою –
«Замечание», «на вид»,
Чаще – «строгий выговор».

А вокруг стоят хаи –
Мрачные, суровые.
Эх, вы горочки мои,
Горочки хаевые.

Уж такие здесь края,
Что ни горка, то хая.

Грусть на сердце затая,
Планом перегружена,
Ближе всех Эге-хая –
Янская жемчужина.

Но у каждого своя
Мысль-честолюбивица:
Вслед за ней Хатон-хая
Хочет в люди выбиться.

Эх ты, хаечка моя,
Ладная красавица,

Пуще всех Алыс-хая
Норовит прославиться.

И Кестер, и Илнтас
С Бургачаном вместе
Вспомянут еще не раз
О такой невесте.

А вокруг густой туман,
Мрак и стынь морозная,
И невыполненный план
Встал проблемой грозною.

Запчастей в помине нет,
Хай, смятение, паника.
Погибают в цвете лет
Транспорт и механика.

Не работают совсем
Буровые скважины...
В общем, много разных тем
Грустных, не налаженных.

И шагают поутру
Сумрачно и хмуро,
Направляясь в Янрайгру,
Мрачные фигуры.

Цепкой лапою мороз
До костей хватает.
Все застыло, только нос
На морозе тает.

Удивителен сей край,
Край ни с чем несхожий,
Для прогульщиков здесь рай
И для пьяниц тоже.

Пей. Прогуливай. Гуляй.
Наводи мороку,
И зарплату получай
Полностью и к сроку.

Эх, не жизнь, а благодать,
Пользуйся, брат, случаем –
Есть закон не увольнять
Водкою умученных.

Не судить, не увольнять,
А платить зарплату.
Отчего ж не погулять
По такому благу.

Многим будет по нутру
Мысль-затея черная:
Перечислить в Пьянрайгру
Наше Гру позорное,

И на сем поставить крест,
Бодро успокоиться.
«Стыд не дым, глаза не ест» –
Говорит пословица.

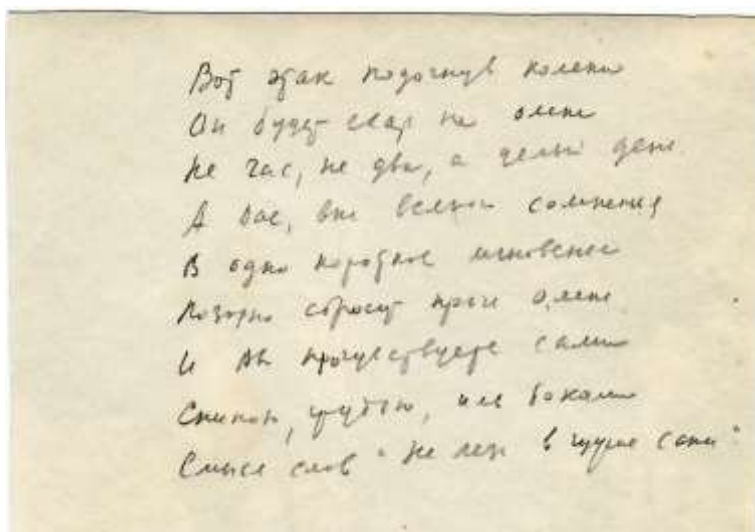
Но идя таким путем
Мы куда ж пристанем.
Эх, хаевое житье
На хаевой Яне.

* * *

П о л е в и к и

В тех краях, где не слышали слова «телега»,
И где вместо земли только камни да лед,
По кисельному месиву талого снега
Мы упорно шагаем вперед.

А за нами, в холодной воде по колени,
Безответно и кротко мученья терпя,
Тянут грузные нарты худые олени,
Выбиваясь из сил, задыхаясь, хрипя.

Дни за днями идут. Но до цели далеко.
 Что же делать, мой друг? – Стиснув зубы,
 молчи.
 Солнце с неба глядит ослепительным оком,

Белопенно бурунясь, несутся ручьи.

Пусть до крови натерты усталые ноги,
Неустанно шагая и ночью и днем
По безлюдной тайге, без пути и дороги,
Всё равно мы к намеченной цели придем.

* * *

П р и е х а л Э д и к

Приехал в гости Эдик к нам,
Однажды вечером,
И сразу топот, шум и гам
Наполнили весь дом.

Он две тарелки каши съел
И поднабравшись сил
Кричал, барахтался и пел,
Смеялся и шалил.

Пробило девять на часах
И он улегся спать
С улыбкой хитрой на устах
На Борькину кровать.

Во сне он видит — сом плывет,
Приплыл к нему в кровать
И начал Эдика в живот
Усами щекотать.

Наш Эдик, хоть и ростом мал,
Но все же не сробел:
Он тотчас рыбину поймал
И вытащить сумел.

Ее он рядом положил
И вновь улегся спать.
Когда ж проснулся — глядь, под ним
Лишь мокрая кровать.

А сома и в помине нет —
Куда исчез улов? —
Лежит на мокрой простыне
Лишь Эдик-рыболов.

Б у р у н д у к и м е д в е д ь (сказка)

В лесу под корягой, в глубокой норе,
Родился и жил бурундук.
Он норку свою покидал на заре
И, прыгая с сука на сук,

Пронзительно-звонко и громко свистел
Во весь бурундучий свой рот.
Скажу вам, что петь он совсем не умел,
Но всех уверял, что поёт,

Что свист его — пенье, а вовсе не свист,
Что он — знаменитость, что он голосист,
Что петь его сам соловей обучал.
Вообще, бурундук был изрядный нахал.

Он — дерзкий и злой — обижал малышей
Безропотных, тихих и кротких мышей,
У белочек нагло запасы таскал,
У маленьких птичек птенцов поедал.

На жалобы белок, на жалобы птиц
Он, дерзко смеясь, им в лицо отвечал,
что "Слушать не хочет таких небылиц,
Что сам он запасы себе собирал,

А мяса он, дескать, отроду не ел";
И, прыгая с ветки на ветку, свистел.
И пташки, и белки ни с чем уходили
И горькие слёзы обиженно лили.

А мыши, увидев его иногда,
В паническом страхе неслись, кто куда.
Шел по лесу как-то голодный медведь,
Голодный, измученный в поисках пищи,

Увидев его, бурундук стал свистеть:
"Смотрите, вот по лесу шляется нищий!
Подайте ему что-нибудь Христа ради!"
И с ветки нахально медведя обгадил.

Медведь заревел. Этот рёв, как из пушки,
По лесу пронёсся гудящей октавой.
А тот, моментально юркнув на макушку,
Оттуда кричал ему дискантом: "Браво!

Какой превосходный у вас голосище!
Прошу вас — ещё раз пропойте, дружище!"
Дразнил его тонким своим языком
И шишки бросал, и ругал дураком.

Медведь бесновался и, в ярости злобной
Тряс дерево, сбросить стараясь нахала,
А тот, примостившись на ветке удобно,
Над ним издевался: "Вы кушали мало,

У вас не хватает, как видно, силёнки.
Какой вы медведь — вы потомок котёнка,
Отец ваш был хилый бессильный урод,
И вы не медведь, а измученный кот".

Усталый медведь опустил на пень,
Заплавав от ярости в горьком бессильи.

Вдруг в воздухе каркнула черная тень,
Захлопали чьи-то тяжёлые крылья,

Когтистая лапа вонзилась, как крюк
И в ужасе диком завыл бурундук:
"Спасите! Спасите! Я гибну! О, Боже!"
Кровь струйкой текла по истерзанной коже

И красные капли потоком лились,
Как спелые ягоды, падая вниз.
Напрасно бедняк извивался и ахал,
Он скоро сознания лишился от страха,

А птица, довольная тем, что поймала
Такую добычу, усевшись на сук,
Его моментально в куски расклевала.
Так смертью бесславной погиб бурундук.

Медведь, наблюдавший всю эту картину,
Был очень доволен подобным исходом.
Обнюхав себя, он с решительной миной
Направился к речке и плюхнулся в воду.

Там долго купался, стараясь отмыть
Несносную вонь из загаженной шерсти.
Потом, отряхнувшись, во всю свою прыть
Помчался галопом, стараясь согреться.

Вокруг, зеленея, шумела тайга,
Пестрели цветами просторы болот,

И он, вспоминая про гибель врага,
Довольно ворча, пробирался вперёд.

День был на исходе. В желудке сосало,
Хотелось безмерно, мучительно есть,
И он сквозь тайгу пробирался устало,
Теряя клоками линяющую шерсть.

Всё в жизни кончается поздно иль рано.
Когда он без ужина лечь был готов,
Пред ним вдруг открылась большая поляна,
Покрытая пёстрым узором цветов.

Всё было спокойно и тихо кругом,
Медведь не слышал ни единого звука,
Но в центре поляны огромным пятном
Чернела какая-то странная штука.

(Скажу вам, что это был чей-то барак).
Медведь осмотрел его этак и так,
Стараясь понять, что же это за чудо?
Чего ожидать здесь — добра или худа?

И вот, наконец ,он, подумав немного,
Решил: это чья-то большая берлога,
Но только сейчас в ней никто не живёт
Посмотрим-посмотрим. Но где ж в неё вход?

(Чтоб внутрь не забрались ни птица, ни зверь,
В бараке была заколочена дверь

И толстыми досками окна забиты
С торчащими пиками острых гвоздей).

Медведь укололся и рявкнул сердито:
"Берлога без входа — смешно, ей же ей!
А ну-ка нажмём!" И принялся за дело.
Со скрипом доска на траву полетела,

За нею другая и третья туда ж
Таким же порядком отправились скоро.
Медведя объял разрушительный раж —
Он вправо и влево крушил без разбора.

Ну, что для медведя людские запоры!
Окошко, забитое досками крепко,
Им было разнесено в мелкие щепки.
Он, правда, гвоздём пропорол себе лапу

И здорово морду свою расцарапал,
Но всё ж сквозь окошко пробрался в барак,
Голодный, большой, матерой медвежище.
В бараке приятный царил полумрак

И пахло заманчивым запахом пищи.
Как видно, хозяйская чья-то рука
Старательно здесь навела свой порядок.
В углу громоздилась горою мука

В кулях, друг на друга наложенных рядом.
Блестели консервы с горохом и мясом,

В мешочках компот аккуратно лежал,
Бочонок, наполненный сливочным маслом,

Отдельно пузатой громадой стоял.
Здесь были, как видно, большие запасы,
Для вас их хватило б, пожалуй, на год.
Голодный медведь начал ужинать маслом.

Кусками пихая его себе в рот.
Потом, потеряв к этой пище охоту,
Закончил свой ужин душистым компотом.
Наевшись досыта, он начал играть,

Швыряя о стены консервные банки,
Затем из барака мешки стал таскать,
Засыпав, как снегом, мукою полянку.
Схвативши когтистою лапой мешок,

Его он, крихтя, сквозь окошко волок.
Мешок разрывался от лапы могучей,
Мука разлеталась бесформенной тучей,
Ему попадая и в ноздри, и в рот.

Запасы, которых хватило б на год,
За час уничтожила эта забава —
Вообще, наш медведь порезвился на славу:
Всё вместе смешалось — земля и мука,

Соль, сахар и перец, компот и горчица.
Недаром, как видно, медвежья рука

Задумала здесь на часок порезвиться.
В бараке валялись измятые банки,

Блестели осколками битые склянки,
Столбом поднималась мучнистая пыль...
Вдруг Мишка наткнулся в углу на бутыль
Потряс — что-то булькает. Пахнет приятно,

Но запах какой-то совсем непонятный,
Такого он в жизни не нюхал ещё.
Попробовать надо такую находку,
И Мишка, открыв широченную глотку,

Стал жадно из этой бутылки глотать.
Да, впрочем, я вам позабыл рассказать,
Что это такое была за находка:
В бутылки была очень крепкая водка,

И было её, чтобы вам не соврать,
Ну, литра четыре, а может и пять.
Наш мишка, не морщась, весь этот запас
В свой ёмкий желудок отправил зараз

И быстро, конечно, стал вдребезги пьян.
Из пасти текла желтоватая пена,
Клубился в глазах синеватый туман.
Он трахнул с размаха бутылью об стену!

Бутыль на куски разлетелась, звеня,
И в Мишкины ноздри, как будто иголки,

Вонзились два острых стеклянных осколка.
От боли и ужаса пьяный медведь
Чихая, взревел оглушительным басом.

Напрасно он морду старался тереть,
Осколки, глубоко проникшие в мясо,
Ему причиняли ужасную боль.
Он, дико ревя, по бараку метался,

Катался и падал, и вновь поднимался.
И чудилось Мишке сквозь пьяный туман,
Что он погибает, попавши в капкан.
Ему вдруг в углу померещился сук,

На нём, заливаясь пронзительным свистом,
Сидел, издеваясь, большой бурундук,
Отвратный такой и такой ненавистный.
Их множество было. Они на полу

Плясали пред ним копошащейся массой,
Сидели десятками в каждом углу,
Нахально кривляясь и корча гримасы.
Панический ужас медведя объял.

Он к стенке попятился, пьяно икая,
Задел за бочонок и грузно упал,
Паденьем своим и его увлекая.
Бывает же в жизни такая случайность:

Хоть он при паденьи остался и цел,
Но голову сунув в бочонок нечаянно,

Обратно же вынуть её не сумев
И так вот поднялся с бочонком на шее,
Не видя, не слыша — наш бедный медведь,
И с каждой минутой всё больше пьянея,

Он начал отчаянно громко реветь.
Совсем потерявши сознание от страха,
Метался в бараке испуганный зверь
И дико бросаясь на стены с размаха

Вдруг вышиб случайно закрытую дверь
И вылетел вон из барака на волю,,
Неистово воя от страха и боли.
А дальше, шатаясь и падая пьяно,

Он начал вслепую кружить по поляне.
Поляна кончалась отвесным обрывом
Над топью бездонной большого болота.
Кустарник разросся каймой прихотливой

У самого края отвесного борта.
Медведь перепуганный, с воем свирепым,
То вправо, то влево бросался со слепа
И вдруг, потеряв под ногами опору,

Сперва покатился куда-то под гору,
Потом, о скалистый ударившись мыс.

Как камень понёсся по воздуху вниз,
И в ужасе диком, пронзительно воя,

Бесформенной глыбой мелькнул он, кружась,
И скрылся, навеки уйдя с головою
В густую болотную липкую грязь.
Окончена сказка. Медведя не стало.

Болото его навсегда засосало.
И только бочонок, слетев при паденьи,
Неясным предметом чернел в отдалении.
Неясным предметом чернел в отдалении.

* * *

Отдых геолога

Прозрачный сумрак тихо стынет,
На небо выплыл диск луны.
Прекрасны ночи Украины,
Но краше ночи Колымы.

Заря затихла в ожиданье,
Безмолвен голубой простор,
И как немые изваянья
Стоят громады темных гор.

Ночь с неба смотрит молчаливо
Морозной звездной тишиной,
И лишь река без перерыва
Звенит натянутой струной.

В кустах, где мыс реки украдкой,
Целует звонкая струя,
На берегу стоит палатка,
Палатка белая моя.

Заря цветет полоской алой.
Нет ни мошки, ни комара.
И я, довольный и усталый,
Сижу у яркого костра.

Усталость валит пьяной брагой,
Периной кажется трава.
Легко ль день целый мерным шагом
Плести из метров кружева.

Весь день работой был загружен,
Теперь и отдохнуть пора.
А в перспективе – сытный ужин
И сон глубокий до утра.

* * *

Ляле – в день 15-летия

Тебя сегодня папа твой
Со днем рожденья поздравляет.
Своей дочурке дорогой –
Любимой, ласковой, родной –
Он счастья от души желает.
Пусть будет жизнь твоя полна
Безмерной радости до края,
И пусть других людей она,
Как путеводная звезда,
Потоком света озаряет.
И пусть хранит от всяких бед
Тебя счастливая звезда,
Чтоб не насмешливое «нет»
Бросала жизнь тебе в ответ,
А только радостное «да».
И чтобы сердце у тебя
Не знало никогда покоя
В стремленьи жить, творить и знать,
Чтобы твои отец и мать
Гордились дочерью такою.

Батыгай, 16 января 1943 г.

* * *

Маме в дар
22/IX-50 г.

Так как нынче песня в моде
«Во саду ли, в огороде»,
То тебе для руководства
эта книга:

Садоводство

На участке, на уроде
Дом стоит – сарая вроде,
Возле дома мокрый луг
Расстилается вокруг,
А на нём то там, то тут
Одуванчики цветут.

Каждый скажет: не иначе
Речь идет о нашей даче,
Где без пользы, без отдачи
Деньги вложенные плачут.

Между тем, добиться просто
Ста рублей обратно со ста,
Доложив туда опять
Ну, хотя бы, тысяч пять
На издержки производства
Под названьем «Садоводство».

В этой книге говорится
Как в короткий срок добиться
Сливов, масла, молока
Не с коровы, а с быка.

Изучай же книгу, мама,
И тащи вперед упрямо
Всех за шиворот подряд
Из болота в Дачу-сад.

Долго голос мамы милой
Песню будет напевать:
«Сама садик я садила,
Сама буду поливать».

И у папы вымогать
Из его карманов-леек
Денег, денег, денег, денег –
На малину, вишню, сливу,
Фруктоносную крапиву
И иных растений ряд,
Что родит наш чудо-сад.

Е.Благинина. «Наш дедушка»

Наш дедушка не любит тени,
Он любит солнышко, тепло.
Дрожат у старого колени,

Ходить, бедняжке, тяжело.
Он ничего почти не видит,
Не слышит ничего – глухой.
Его и курица обидит –
Наш дедушка совсем плохой.
Но дедушку мы все же любим.
Укроем ноги, а потом
Седую бороду голубим
Или в косички заплетем.
А если сказку дед затеет,
Сидим до самой темноты.
Никто и двигаться не смеет,
Все слушают, разинув рты.
Так пусть же наш любимый дед
Живет до сотни с лишним лет!

Как-то Ляля читала вслух трехлетнему
Никитке это стихотворение. Проходивший
мимо Дед прислушался, а утром в столовой
лежало следующее его творение:

Б.Вронский. «Наш дедушка»

Никитке Ляля за обедом
Прочла пасквиль на Папу-Деда:
Его и курица клюет,

Цыплята за ноги щипают,
Телок копытом в морду бьет,
Крольчата яростно кусают.
Он ходит сгорбленный, седой,
Бредет, бедняга еле-еле
И утром длинной бородой
Сметает сам себя с постели.
Он любит солнышко, тепло,
И часто лезет спать на печку.
Откуда Баба помелом
Его гоняет мыться в речку.
Но в речку Деда не загнать,
Боится он воды холодной.
Наш Дед лишь любит есть да спать,
Он больше ни на что не годный.
И все же Деда любим мы
За то, что он во время Оно

За освоенье Колымы
Был удостоен пенсион.
Так пусть же наш любимый Дед
Живет до сотни с лишним лет!

1950 г.

* * *

У нас на даче
В углу маячит
То ль копань-яма,
То ль лужа-пруд.
Весной и летом
Там что-то, где-то
Живет, шныряет
И там, и тут.
Взяв книгу в руки,
Узнают внуки
Что, где, когда
В пруду живет
Для развлечения
И поученья
Дед эту книжку
Внукам шлет.

Дед-Сербигед, (ДС) 1955

* * *

Сижу на берегу. Река бежит с журчаньем,
Вокруг стоит угрюмый лес стеной.
Куда ни кинешь взор – все камни, камни,
камни,
Торчащие над мелкою водой.
Просторно здесь, но не видать простора,
В кольцо затянут узкий горизонт,

Угрюмый лес и сумрачные горы
Со всех сторон единый держат фронт.
И все ж здесь хорошо. Другие здесь напевы,
Иные, чем на родине моей.
Природа там глядит, не зная гнева,
Зеленой бархатной бескрайностью полей.
Текут лениво медленные воды,
Мой край родной ручной какой-то весь.
И нет там Вольности, той царственной
свободы,
Которую дано почувствовать лишь здесь.

* * *

Когда ты одинок

Всегда, когда ты одинок
И сердце гложет червь сомненья,
В рифмованном созвучье строк
Ищи короткого забвенья.

Пусть ты угрюм, печален, сир.
Напев ритмичный слов певучих
В твоей душе пробудит мир
И разметет на время тучи.

И если даже через миг
Ворвется в душу вновь смятенье,

Благодари свой слабый стих
За эту вспышку исцеленья.

* * *

Голубые ночи

Голубые ночи, как вы хороши!
Распахните настежь дверь моей души,
Пусть она проснется, встрепется вновь,
Запоет про радость, счастье и любовь,
Зазвучит гитарой, весело звеня,
Звонких четких песен много у меня.

Я спою сегодня про весенний день,
Про цветок душистый – белую сирень,
Что в саду зеленом, девственно бела,
Ясным ранним утром тихо расцвела.
Расцвела чудесно, радость затая:
Это моя Юность, Молодость моя.

Быстро пролетели голубые дни,
Грезю девичьей отцвели они.
Осень наступила, и увял давно
Куст сирени белой под моим окном.
Птицы улетели в дальние края,
Отцвела сиренью молодость моя.

Будущей весною вновь все оживет,
Куст сирени белой пышно расцветет,
Зазвенит в нем снова песня соловья.
Не вернется только молодость моя.

* * *

Далеко на Севере,
На краю земли
Все пути-дороженьки
Вьюги замели.

Жемчугами снежными
Вихрится пурга,
Лихо в ступе носится
Старая Яга.

Шепчет в заклинаниях
Непонятный бред,
Помелом растрепанным
Заметая след.

Ведьму взяв за талию,
Весел, краснонос,
С ней впрысядку носится
Пьяный Дед Мороз.

С воем, свистом кружатся
Оба над тайгой.

Горе тем, кто встретится
С Костяной Ногой.

* * *

Заседание

Не смешно ли? Я, такой большой,
Полный силы, смелости, дерзанья,
Каждый раз бываю уstraшён
Маленьким паршивым заседаньем.

Про большое я не говорю –
На большом мне просто будет крышка –
Я и здесь, как на огне горю,
И волнуюсь, как пригото́вишка.

В голове сплошной густой туман,
Ни единой самой тощей мысли,
Будто мозг мой вражеский аркан
Вдруг петель тугою крепко стиснул.

Мне гораздо проще десять раз
На плоту проплыть через пороги
И увидеть смерти тусклый глаз,
Чем с людьми поговорить немного.

Ведь могу же я владеть собой,
Быть вождем в опасные минуты.
Отчего же здесь я сам не свой,

Маленький, униженный, согнутый?

Отчего? Никак я не пойму.
Только знаю – горькие страдания
Причиняет сердцу моему
Простенькое слово – заседание.

Очень часто, кончая работу,
Я усталый, с больной головой
Перед сном выхожу на охоту,
Возвращаясь с добычей домой.
Вкруг всё спит, крепко заперты двери.
По тропинкам линованных строк
Я иду торопливо за зверем,
Осторожно спуская курок.
Напряженно, с волнением суровым,
Как охотник идет по следу,
За крылатым подраненным словом
Я с терпеньем упорным иду.
Подбираю убитые рифмы
И небрежно бросаю в ягдташ,
Чтоб их четкими строками ритма
На бумагу нанес карандаш.
Освеженный чудесной прогулкой
По нездешним волшебным мирам,
С ощущеньем усталости гулкой
Я ложусь отдыхать до утра.

Дрейфуют корабли

На север, сквозь туман и мрак
Дрейфуют корабли.
Вокруг торосы, плотный пак
И ни клочка земли
Луны серебряный оскал
Порой уронит луч,
Осветит хаос льдистых скал
И скроется меж туч.
Холодный ветер снасти рвет
Замерзших кораблей
И вихри снежные метет
Средь ледяных полей.
Продуктов мало, нет угля
И топки без огня.
А долгожданная земля
Все дальше день от дня.

Настанет время или нет,
Когда верхом по этим тропам
Какой-нибудь лихой поэт
Промчится бешеным галопом.

Когда вздымая тучей пыль,
Вот здесь, на месте этой мари,
Шурша промчит автомобиль,
Несясь в сверхскоростном угаре.

Когда без длительных «капсе»,
Без волокитных долгих сборов
Широколентное шоссе
Нас поведет туда, за горы.

Ах! От чего не помечтать,
Вперед шагая понемножку,
Кляня в печенки, в бога, в мать
Вот эту милую дорожку.

* * *

Не сказка, а была

За горами, за долами,
За широкими морями
Есть чудесная страна.
К сожалению, она
Из окошка не видна,
И добраться чтоб до ней
Надо ехать много дней.

Надо выдержать без стона
Тряску долгую вагона,
И прибыв на край земли,
Основаться на мели.
Ждать у моря не погоды,
А всего лишь парохода.
День проходит, два, неделя...
Вы слоняетесь без цели,
Ожидая, что вот-вот
Подадут вам пароход.
Скоро месяц на исходе –
Нет вестей о пароходе.
Каждый день вам говорят:
«Принят мер возможных ряд,
Вас отправят, как и всех
После дождика в четверг».
Время медленно идет.
Где ж проклятый пароход?
Говорят, что в Сингапуре
Он спасается от бури,
Иль играет с штормом в прятки
Где-то около Камчатки,
Иль у пятого причала
Грузит мыло и мочалу.
Ничего не разберешь –
Где тут истина, где ложь.
Вдруг в полночь дана тревога:
«Собирайтесь в путь-дорогу,
Утром всех вас заберет

Уходящий пароход».
Рвется там всегда, где узко –
Начинается погрузка.
С неба, как из мелких сит,
Дождь всё время моросит,
И на пристани народ
Шесть часов погрузки ждёт.
Наконец, вы на уроде,
Вроде как на пароходе.
Инвалид морских дорог
Хоть потрепан и убог,
Но под маркой «Совторгфлот»
Все ж не тонет, а плывет.
Волноваться нет причины –
Всем досталась часть уют
Кто по благу, кто по чину,
Кто в твиндеке, кто в каюте,
Кто поев, кто натошак
Разместились кое как.
Взмыл прощальный вопль сирены,
За кормой струится пена,
Пароход, как чудо-кит,
Тихо по морю скользит.
Вы в восторге. Вы довольны,
Улыбаетесь невольно.
Солнце весело сияет,
Ветерок чуть-чуть вздыхает,
Море синее вокруг,
Гул винта ласкает слух,
Пена вьется за кормой

Белоснежною каймой
И в синеющей дали
Не видать нигде земли.
Каждый мыслит с чувством, с толком:
«Я морским родился волком,
Пусть в Калуге иль в Рязани,
Море – вот мое призванье».
Каждый ходит петухом,
Каждый смотрит моряком.
Вечереет. Солнце село.
К ночи малость посвежело,
И по морю, как кудряшки,
Пляшут белые барашки.
Пароход шатнулся малость
И пошел уже качаясь
Вправо, влево понемногу,
Ритм выдерживая строго.
Вам понравилась сначала
Эта маленькая шалость,
Но затем вы заскучили
И, почувствовав усталость,
С грустным видом на ночлег
Удалились в свой твиндек
И легли поспешно спать
На свою скамью-кровать.
Вы уснули. Ночью вдруг
Пробуждает вас недуг
Очень странный, непонятный
И довольно неприятный:
Ваш желудок, как сифон

Гонит все наружу вон.
Не поняв сперва в чем дело
Вы глядите очумело:
Что такое? В чем причина?
Что за странная картина?
Отчего внезапно вдруг
Заплясало все вокруг?
Пляшут стены, потолок,
Пол уходит из-под ног,
И снуют, как тараканы,
Сундуки и чемоданы.
Ветер с воем снасти рвет,
Море бешено ревет,
Волны кажется вот-вот
Опрокинут пароход.
Проклиная путь и качку,
Вы ползете на карачках,
И почти что поминутно
В тазик крикаете уткой.
День проходит, два, неделя,
Вы живете на качелях,
Грустно лежа на постели
Еле-еле душа в теле.
Не найти в мозгу прокислом
Ни единой тощей мысли.
Лишь одно волнует душу:
Поскорее бы на сушу!
Наконец, настал конец –
Вот и «Каменный Венец»,
Справа виден сквозь туман

Бойкий ключик Марчекан.
К небу тянутся дымки,
Замелькали огоньки,
Видны домики, дома.
«Братцы, вроде Колыма!»

Не смущай, дружок, умы:
Далеко до Колымы.
Не вселяй в сердца тревоги:
Это – только часть дороги.
Здесь лишь морю финиш дан.
Это – город МАГАДАН.

* * *

К а с п и й

Волны набегают в кудрях белой пены
И шипя с размаха звонко в берег бьют.
Старый синий Каспий на мои колени
Положил седую голову свою.

Говорит мне грустно про былые годы,
Годы невозвратных отошедших дней,
Дней, когда сливал он голубые воды
С водами умерших сказочных морей.

Слышен тихий шепот: «Был и я когда-то
Молодой, могучий, статный великан.
Заливал Царицын, заливал Саратов
Волнами своими Каспий-океан.

Далеко к востоку прочертил я грани,
Погулял по свету вдосталь молодым.
От верховьев Камы, чуть не до Тянь-Шаня
Ты везде отыщешь Каспия следы.

И любил я крепко молодое море,
Встреченное мною в странствиях моих.
Целовались волны в голубом просторе,
Все, казалось, жило лишь для нас двоих.

Грёзою волшебной пролетели годы,
Наяву свершались сказочные сны.
Но капризной волей Мачехи-Природы
Были мы навеки с ней разлучены.

Там, где пели волны, где плясало море,
Где царил широкий голубой простор,
Вдруг поднялись к небу мощные упоры
Грозных, неприступных, смятых в цепи гор.

Навсегда могучей каменной стеною
От подруги юной был я отлучен.
Не играть мне больше с резвою волною,

Той, кого любил я. Все прошло, как сон.

Пролетела юность. Тают, тают силы.
Все конец имеет, близится мой срок.
Умирает Каспий, и его могилу
Занесет зыбучий золотой песок.

И на месте моря знойная пустыня
Ляжет, как большое желтое пятно.
Ярко светит солнце, дремлет Каспий синий
И ласкают волны золотое дно.

Эту песню моря, волн веселых пляску
Сохранил я крепко в памяти своей,
Чтоб тебе напомнить голубую сказку,
Сказку отошедших невозвратных дней.

Таёжная застольная

Тише, товарищи! Кубки наполните,
Встаньте и выпейте враз.
Эту заздравную чашу застольную
Выпьет пусть каждый из нас.
Выпьем, друзья, за просторы таежные,
Выпьем за наши дела,
Выпьем за жизнь нашу полуострожную,

Что вдоль тайги пролегла.
Выпьем за верных друзей и товарищей,
Выпьем за наших подруг,
С нами и тело, и душу состаривших
В царстве морозов и выюг.
Выпьем за то, чтобы в дни нашей старости
Было нам что помянуть.
Чтобы лет до ста, ну, может, без малости
Длился наш жизненный путь.
Выпьем за тесное наше содружество
Верный успеха оплот.
Выпьем за доблесть, за волю, за мужество,
Выпьем за слово «Вперед».

* * *

На смерть С.Е.Захаренко*

Всем суждено когда-то умереть -
В волнах, в бою иль просто на постели,
Но тяжела бессмысленная смерть
В двух-трех шагах от долгожданной цели.

Ах, Фимыч, Фимыч, незабвенный друг,
С лицом ребенка и душой мужчины!
Внезапной болью поразила слух
Лихая новость о твоей кончине.

Ты умер, друг. Ушел из света в мрак.

И я пишу тебе последний стих прощальный.
Но разум мой не мирится никак
С известьем злым о гибели печальной.

Глубокая тоска кольцом сжимает грудь
При мысли о твоей мучительной кончине.
Уж лучше б ты погиб иначе как-нибудь –
От пули, тифа иль иной причины.

Ты смертью медленной голодной умирал
В глухой тайге в мучительном томленьи,
И умирая, ясно сознавал,
Что ты погиб и нет тебе спасенья.

Безмолвие тайги, голодный жуткий бред,
Отчаянье души и тающие силы
Ты все вложил в неровный шаткий след,
Который вел тебя к безвременной могиле.

Ты падал и вставал и полз, покуда мог,
С губой закушенной, не говоря ни слова.
И наконец, надломленный, прилег
На рыхлый снег и не поднялся снова.

Вокруг царил безжизненный покой,
Искрился снег алмазным пересветом.
И ты, в сугроб уткнувшись головой,
Лежал недвижимым черным силуэтом.

Морозной цепью смерть тебя сковала.
В глухой тайге ты спишь, усталый гость.
Лицо твое как белый мрамор стало
И руки сильные – как мамонтова кость.

А там, вдали, в синеющем просторе,
Над берегом крутым в излучине реки
Чертили в воздухе спиральные узоры
Вздымаясь к небу, сизые дымки.

Прорезав лень морозной сонной тиши,
Веселый голос песнею звучал,
Но ты лежал и ничего не слышал,
Не видел ничего и ничего не знал.

Пусть смерть твоя послужит нам примером.
И жить, и умереть сумеем с честью мы,
Как подобает первым пионерам,
Создавшим мощь и славу Колымы.

*Геолог Сергей Ефимович Захаренко (Фимыч, как звали его товарищи) трагически погиб в тайге. При возвращении с полевых работ в октябре 1936 года сопровождавший его рабочий украл все продукты и сбежал. Захаренко погиб от голода, не дойдя 25 км до базы.

* * *

Где-то громко кукушка кукует,
Зеленеют леса и поля...
Здесь же все еще вьюги бушуют,
И в снегу утопает земля.
Громоздятся высокие горы
Точно волны, вблизи и вдали
Заполняя собою просторы
Необъятной колымской земли.
С ледовитого бурного моря
Ветер вьюги и холод несет,
И, гуляя по диким просторам,
Заунывные песни поет.
И в ответ этим песням унылым,
Тем, что ветер поет над тайгой,
Плачет сердце, тоскуя о милой,
О далекой, родной, дорогой.

10/V – 37 г.

* * *

Б о р ь к а - р ы б о л о в

Был наш Борька рыболовом,
Рыболовом хоть куда.
С видом важным и суровым

Он идет в костюме новом
Потихонечку туда, где виднеется вода.
Для него совсем неважно,
Есть ли рыба, нет ли рыб,
Вот он палкою отважно
Поражает старый гриб,
Вот, узрев бурундука,
С криком – Мама, погибаю!
В страхе, бледный, как мука,
Без оглядки удирает.
Вот от хищной куропатки
Убегает без оглядки,
Заползает под кусты,
Чтобы жизнь свою спасти,
И оттуда куропатку
Насмерть бьет своей рогаткой.
Сколько страха и мучений,
Сколько жутких приключений...
Да, большой характер нужен,
Чтоб дойти до грязной лужи
Иль до берега реки,
Где живут бурундуки.
Начались в дорогу сборы,
Сын рогатину берет
И глухим, дремучим бором
Потихоньку шагом скорым
Прямо к берегу идет.
Подползает черепахой,
Исцарапав весь живот,
И рогатиной с размаху

По воде с азартом бьет.
Брызги вверх летят фонтаном,
Но добыча велика:
На песке с азартом пьяным
Два малюсеньких малька
Лихо пляшут трепака.
Трепеща от нетерпенья
Он хватает свой улов.
Да! Без всякого сомненья
Сын – великий рыболов.

Берелех, 1938 г.

* * *

Ляля с Борей как-то раз по лесу гуляли

Часть первая

Ляля с Борей как-то раз
По лесу гуляли.
Много было здесь проказ –
Перечесать их все зараз
Я смогу едва ли.
Вдруг, на Борю бросив глаз,
Ляля зарыдала:
«Что с тобою, милый брат?!» –
В ужасе вскричала. –
У тебя огромный, длинный
Вырос сзади грязный хвост.

Братец, братец, мой единый,
Ты же стал теперь скотиной,
Был ты мальчик, стал прохвост».
И действительно, у Бори,
Как изогнутая трость,
Весь в пыли, репьях и соре
Вырос сзади длинный хвост.
Боря страшно испугался
И взметая пыль хвостом
В диком ужасе помчался,
Громко воя, к маме в дом.
Вслед за ним с протяжным воем
Ляля бедная бежит.

Вот они несутся двое —
Жуткий вид, ужасный вид.
Мама бедная в испуге,
Помертвел от страха взгляд:
Что за странные недуги
Навалились на ребят!?
Впрочем, впрочем, без сомненья
Есть все шансы на спасенье.
«Успокойся, сын любимый,
Книга есть у нас «Том Тит»,
Он тебя в момент единый
От хвоста освободит».

Часть вторая

Тихим отсветом закат горит,
Под столом, свернувшись, сын храпит,
За столом, согнувшись, мать сидит,
Изучает книгу «Том и Тит».
На странице двести пятой
Иль на сто сороковой
Стал для мамы вдруг понятен
Этот случай роковой.
Мама спешно вырезает
Из бумаги двух птенцов,
Быстро свечку зажигает
С четырех со всех концов.
Мажет сыну хвост горчицей,
Дочке тряпку в рот сует
И читает им страницы
В книге задом наперед.
Поясняет книга внятно:
Мальчик суп собачий ел.
Стало всем теперь понятно,
Отчего он заболел.
Дочь все время громко воет –
Оттого, что ели двое.
Но она поменьше ела,
Понимаете в чем дело?
Поясняет дальше «Тит и Том»:
Если сын не хочет быть скотом
И чудовищем среди зверей.

Хвост горчицей смажь ему скорей.
Дочке тряпкой грязной рот заткни,
А потом пускай уснут они.
И еще, прибавил «Том и Тит»,
Пусть пятнадцать штук свечей сгорит,
Да не просто так, а с четырех концов,
И ты вылечишь своих птенцов.
Завтра встанут они к обеду
И забудут про все свои беды.
С этих пор книгу «Том и Тит»
Мама ночью и днем зубрит,
По страницам ведет перстом,
Разбирает, где Тит, где Том,
И горит свеча с четырех концов
По завету этих двух мудрецов.
Я одно лишь в конце отмечу:
Впереди много длинных ночей.

Пожалейте, товарищи, свечи,
Чтобы нам не сидеть без свечей.

Берелех, 1938

К этому стихотворению необходимы два
разъяснения (их дает Ляля).

1. Наша чистопородная молодая немецкая
овчарка Динка принесла девять щенков
от дворового барбоса. Все они, как один,
пошли в папашу – как мастью, так и
обжорством. Через месяц исхудавшая,

изнуренная, обсосанная до кровавых ран мать
с воем убегала от потомков и забивалась куда-
нибудь, где они не могли
ее достать. Мы с Борькой стали кормить
щенков собачьей тюрей – молоком с
накрошенным туда белым хлебом – и сами к
ней пристрадались.

2. Темными-темными, бесконечно длинными
северными ночами было у нас много
настольных занятий и игр. Среди прочих с
восторгом осваивали мы, под руководством
мамы, переводную книгу «Занимательная
психология» некоего англичанина Тома Тита.
Было там много разных чудес, и многие из
них требовали свечей – не только для света
(электричества у нас не было), но и для
исполнения. А на свечи был лимит.

* * *

Одно и то же каждый день,
Куда ни кинешь взор:
Нет ни полей, ни деревень
Все горы – цепи гор.

Мороз. Глубокие снега.
То солнце, то туман.
Вокруг безбрежная тайга,
Как море-океан.

Безлюдье. Глушь на сотни верст.
Безжизненный покой.
И ярок блеск далеких звезд
Полночною порой.

Луны серебряный оскал
Волнует и томит.
Хаос покрытых снегом скал
Заворожённо спит.

Идет, проходит день за днем
В каком-то полусне;
И мысли только об одном –
О солнце, о весне.

* * *

Восемьсот километров морозов и пурги
Восемьсот километров безлюдья и тайги,
По бестропью дикому, сквозь глубокий снег
По хребтам, по наледям, по долинам рек.
Восемьсот километров, пешком, не как-
нибудь.
Наконец , окончен далёкий долгий путь.
Двое суток слышится ружейная пальба,
Двое суток пьяная весёлая гульба.
С полведёрной баночкой заведен лёгкий
флирт,
Кружками, стаканами цедим чистый спирт.

Наливай, товарищи! Выпивай до дна!
Вдоль тайги дороженька у всех у нас одна!
Холостой, женатый ли, ты теперь забудь
На шесть долгих месяцев в жизнь обратный
путь.

* * *

Таёжный друг

Никак не разберу – ты умный или глупый,
Способный иль бездарный пес?
Тебя я вез когда-то под тулупом
В пятидесятиградусный мороз.

Над наледью вставал туман лениво,
Алмазно снег искрился впереди,
И ты дрожал, дрожал без перерыва,
В комочек сжавшись на моей груди.

Ты был ничтожным маленьким щеночком,
Который даже под тулупом мёрз.
Прошло шесть месяцев. И стал ты мощный,
Здоровый, крепкий, мускулистый пес.

Себя в тайге ты чувствуешь, как дома,
Ее ты исходил и вдоль, и поперек.
Здесь каждая тропа тебе теперь знакома,
И сопка каждая, и каждый ручеек.

Никак не разберу – ты умный или глупый,
Способный иль бездарный пес?
Ведь я тебя когда-то под тулупом
Вёз на санях зимой в большой мороз.

Вошел в палатку и улегся рядом
Таежный друг, товарищ верный – пёс.
И смотрит так, как будто хочет взглядом
Ответить мне на заданный вопрос.

* * *

Песня бродяги

Хочется чего-то. А чего — не знаю...
Разве я не счастлив? Разве я не Крёз?
Разве ранним утром я не просыпаюсь,
Озарённый роем золотистых грёз?

Я — лихой бродяга, мне хором не надо!
Каждая поляна мне даёт приют.
Где хочу — прилягу, где хочу — присяду,
Отдохну и снова отправляюсь в путь.

Будит меня утром солнечная ласка,
Всё вокруг смеётся, всё вокруг поёт.
Я — Король Вселенной!
Принц волшебной Сказки,
Обладаю миром! Всё вокруг моё!

Днём улыбка солнца, ночью звёзд мерцанье,
Робкий шёпот леса, тишина и мир.
Для моей утехы зори нежной тканью
Из огня и красок опояшут мир.

Хочется чего-то, а чего — не знаю.
Разве я не счастлив? Разве я не Крёз?
Разве ранним утром я не просыпаюсь,
Озарённый роем золотистых грёз?

* * *

Чтоб чего-нибудь добиться
И у жизни с боя взять,
Надо всей душой стремиться,
Надо пламенно желать.
Подчинить единой цели
Мысли, волю и дела.
Быть решительным и смелым,
Твердым, крепким, как скала.

Гнать тревожные сомнения,
Крепко верить в жребий свой,

Не бояться поражения
И смеяться над судьбой.
Тот победы лишь достоин,
Тот лишь может побеждать,
Кто уверен и спокоен,
И умеет долго ждать.

* * *

Широкая большая котловина
Окаймлена грядой высоких гор.
Внутри лежит всхолмлённая равнина,
Сверкая пятнами разбросанных озёр.
На склонах бурых гор торчит щетиной лес,
В холодной мгле синеют смутно дали.
На всем лежит безрадостная смесь
Унынья тихого и сумрачной печали.

* * *

Две весны

Две весны дано нам пережить:
Первая весна — весна рассвета,
А вторая, на закате дней —
Жаркое хмельное бабье лето.

Как весна отлична от весны,
Так и осень с осенью несхожи:
У одних она — зиме сродни,
У других — с весной поспорить может.

Как они прекрасны у тайги,
Эти дни — минуты увяданья,
Сколько красок, отблесков, огней,
Яркого, как сон, очарованья!

В этих красках, сколько ни ищи,
Не найдёшь намёка на усталость.
Если бы и нам — такой закат,
Если бы и нам — такую старость...

* * *

Ах, как не хочется стареть!
А время, как гримёр умелый,
Чертит в лице морщинок сеть
И множит волос поседелый.

Уже заметно каждый год
Кладёт свой прочный отпечаток.
А дни бегут, бегут вперёд
И всё короче их остаток.!

* * *

Юхтинские мари

Всё деревья да кустарник,
Мох, болота и ручьи.
Горе, горе тебе, странник,
Заблудившийся в пути.
Будешь целый день кружиться,
Свой утаптывая след.
Средь тайги с дороги сбиться –
Этой доли горше нет.
Ладно, если день погожий –
Ты по солнцу как-нибудь
После долгого скитанья
Вновь отыщешь старый путь.
В день же пасмурный, ненастный
Ты исчезнешь без следа.
Где и как погиб несчастный
Не узнают никогда.
Может быть, совсем случайно
Через много-много лет
Кто-то, сбившийся с дороги
Набредет на твой скелет.
И отчаяньем томимый
Он увидит в свой черёд,
Что конец его такой же
Недалёко где-то ждёт
А вокруг – тайга, кустарник,
Мох, болота и ручьи.

Горе, горе тебе, странник,
Заблудившийся в пути.

* * *

А н г е л Б о ж и й

Я в зеркало взглянул и – страшно стало мне,
Мороз волной промчался по спине:
Из зеркала насмешливо и пьяно
Смотрела на меня большая обезьяна.

Чтоб уничтожить эту образину,
Я бритву взял и снял свою щетину.
Взглянул опять и – вновь мороз по коже:
Из зеркала смотрел с ухмылкой ангел Божий.

Я знаю много звонких песен,
И слово в песнях тех – мое.
Весенний ветер буйно весел.
Тайга шумит. Тайга поет.
И гулко, с рокотом чугунным,
Слив воедино стон и гнев,
Сгибаются деревья-струны,
Творя мелодию-напев.
Язык тайги не всем понятен,
Не каждый может разумать
О чем стучит упорно дятел,
О чем скрипит уныло ветвь.
Иль ворон, пролетев лениво,
О чем кричит «Курлян! Курлян!»
Или о чем тоскует ива,
Склонивши над водою стан.
Я не из тех, кто «слово» знает,
Кто меж вещами видит связь,
И кто свободно разбирает
Следов запутанную вязь.
Но пусть темны явлений души,
Я все-таки могу сказать:
«Имея уши, можно слушать,
Язык имея – передать».

* * *

Ясный солнечный день. Я верхом на коне
Еду узкой таежной дорожкой.
С голубой вышины, наклонившись ко мне,
Солнце ластится ласковой кошкой.
Что-то шепчет тайга про минувшие дни
И ,печально тряся головою,
Осыпает с ветвей золотые огни,
Пожелтевшую мягкую хвою.
Осень мощно на все наложила печать,
Все окрасила в яркие краски,
Для того, чтоб внезапным толчком оборвать
Недопетую дивную сказку.

* * *

.

Воет мама по утрам от боли
(подражание В.Маяковскому)

Воет мама по утрам от боли
Вынести не может зрелища противного,
Это собираются в школу
Сын комсомолец и дочь беспартийная.
Сын с повадками изнеженного лорда,
Наводя унынье заспанною мордой,
Забросит за плечи школьные книжки –
«Мама! Вечером нарублю дровишки»,
(Дома же дров не единой крошечки,
(Сын забавлялся весь вечер с кошечкой) –

Наспех выпьет чаю горячего.
Дочка в постели, нежась, корячится:
«Мама, мне что-то сегодня неможется,
В школу идти не хочется.
Ученицей лучшею
В школе я отмечена,
Все равно мне, мама,
Медаль обеспечена».
Что-то я не верю
В этот пошлый свист,
Что дочь медалистка,
И сын медалист.

Как бы вам в школе
Вместо медали
В мягкое место
Коленкой не дали!

Охотск, 1946 г.

* * *

Сухумские происшествия (*фрагменты из путешествия*).

1950 г. Октябрь

1.

Надоела нашей бабе московская дача,
Где осенний мелкий дождик днем и ночью плачет.
И действительно, кому же будет жить охота
Мокрой осенью на даче посреди болота.
Потянуло нашу бабу в солнечную Азию,
На Кавказ, на побережье, в знойную Абхазию,
Где в садах под южным солнцем апельсины зреют,
Пальмы к небу тянут кроны, море голубеет,
Много разных дивных фруктов – винограда слаще,
И ненастная погода – в месяц раз, не чаще.

2.

Забирает баба мужа, Дусю, зятя, внуков,
Собирает на дорогу десять толстых выюков
И на поезде Тбилисском через двое суток
Выгружается в Сухуми с целой грудой шмуток.
Восхищает всех приезжих чудная погода,
Аккуратный чистый город, южная природа.
Слышно – рядом где-то море потихоньку плещет.
Кое как с трудом в машину погрузили вещи.

Подъезжает все семейство к гостинице «Рица»,
Чтобы как-нибудь в Сухуми на ночь разместиться.

Но ответ стереотипный вмиг надежду губит:
«Номеров свободных нету. Нету и не будет».

3.

Приосанясь, дед с дежурной разговор заводит,
Улыбается ей льстиво, глаз с нее не сводит,
О взаимопониманье что-то ей бормочет,
Изгибается дугою, точно старый кочет.
И дежурная, при виде столь похвальной прыти,
Умиленно шепчет деду: «Ладно, обождите.
Очень жаль, что вас так много – шестеро, не трое;
Впрочем, как-нибудь вас порознь к полночи
устроим».
Все семейство на диванах в вестибюльном зале
Разместилось в ожиданьи, точно на вокзале.
Наконец, глубокой ночью все легли в постели
И согласным стройным хором дружно захрапели.

4.

В фешенебельном отеле утреннюю ранью
Пахнет кошками, уборной и какой-то дрянью.
И от запахов Абхазских вся семья стремится
Поскорее из отеля к морю удалиться.
Светит ласковое солнце, море голубеет;
Баба, Дуся и ребята от восторга млеют,
На замусоренном пляже важно восседают,
Смотрят на небо и море. В общем, «загорают».

Отгребают разный мусор – гвозди, стекла,
пВыбирают аккуратно кругленькие гальки,
Собирая их в мешочки – дескать, пригодится,
Будет чем перед друзьями дома похвалиться,
Привезя в Москву в подарок, всем на удивленье,
Килограмм пятнадцать–двадцать разного камня.

5.

Дед и Виктор то как рыбы плавают, ныряют,
То с Никиткой в синем море камешки швыряют.
В воду пробуют обманом заманить Никиту,
Но не хочет лезть Никита в синее корыто.
На километр вдоль по пляжу дикий вопль
раздался,
Будто с берега крутого кто-то оборвался,
Или где-то там кого-то ножиком пырнули,
То несчастного Никитку в воду окунули,
Окунули прямо в море по самую попку.
Из воды Никитка с ревом выскочил, как пробка,
И рыдая безутешно от стыда и горя,
С омерзеньем и досадой глаз не сводит с моря,
Где Наташка с гордым видом в этом море синем
Без истерики и визга плещется гусыней.

По бульвару дружным строем шествует
семейка;

Масса зелени, дорожки, статуи, скамейки.
На погибших пальмах листья повисли, как плети,
Эвкалипты тянут к небу высохшие ветви,
И повсюду в изобилие цветут на приволье
Ярко-красные бутоны кустистых магнолий.
На горе среди деревьев беленькое здание –
Всем известная в Союзе ферма обезьянья,
Где, почти как в Ватикане, милостью Приапа
Всеми правит полновластно павианий «Папа».
Вдоль по улицам Сухуми бегают машины;
Пахнет в воздухе цветами, гарью и бензином;
Солнце с неба светит ярко, обжигает даже –
Настоящий южный город в полном антураже.
Заскучала наша баба и тихонько стонет:
«Лучше б мы остановились в Ахали Афони.
Детям нужен чистый воздух. Как хотите, братцы,
Не желаю я в Сухуми больше оставаться.
Предлагаю папе с Виком разрешить задачу:
Съездить в Ахали Афони и нанять там дачу».

Вик и папа по дороге, как лихие кони,
 Быстро мчатся на машине в Ахали Афони.
 Безнадежно ходят, бродят, спрашивают, ищут,
 Для досужих разговоров создавая пищу.
 Как ни бьются – все не могут разрешить задачи.
 Видно день такой несчастный. Нету им удачи.
 Наконец, уже под вечер у подножья горки,
 В двух километрах от моря сняли две коморки,
 И, как водится, хозяйке дали для порядка
 (Нынче на слово не верят) сто рублей задатка.

8.

Мало ль разного народа по дорогам бродит.
 С нами вместе сел в машину некий тип Володя.
 По дороге с тем Володей мы разговорились;
 Нужно ж быть такому делу, ты скажи на милость:
 У Володи свой участок в Ахали Афони –
 Сад и домик возле моря на гористом склоне,
 И свободной в этом доме площади не мало –
 Человек на шесть – на восемь есть большая зала.
 Сам Володя на работе в должности завгара
 И частенько приезжает к своей маме старой.
 Чистый воздух, сад, веранда, и от моря близко,
 Коль желаете, он может написать записку,
 И вы завтра на машине приезжайте прямо,
 Как в семью свою родную, к его старой маме.
 Сразу после возвращения из поездки дальней

Был поставлен на повестку наш доклад детальный.
Баба выслушала молча тезисы доклада
И сказала в заключение: «Одобряю. Рада».

9.

Шелестя, перевернулась новая страница,
До свиданья, дорогая гостиница «Рица».
Вновь погружены в машину чемоданы, вьюки,
На скамейках разместились взрослые и внуки,
Шофер с присвистом машину по асфальту гонит.
Час проходит – перед нами Ахали Афони.
Заблестели восхищенно у прибывших взгляды –
Справа горы громоздятся каменной оградой,
Лес одеждою зеленой горы покрывает,
Слева море на просторе волны колыхает.
Между морем и горами белыми рядами
Разместились вдоль дороги домики с садами:
И свисают на дорогу из каждого сада
Налитые сладким соком кисти винограда.
Зреют яблоки и груши на ветвях древесных,
Масса фруктов, северянам вовсе неизвестных:
Там хурма, там апельсины, там инжир с айвою,
Там гранат кивнет сквозь листья красной головою.
Поневоле представляешь, как на этом фоне,
Неизвестные когда-то ахали Афони.

10.

У крутого поворота возле семафора
Вьется узкая дорожка, поднимаясь в гору,
А в конце дорожки домик. Этот домик вроде
Есть владенье старой мамы нашего Володи.
Предстоит решить немедля сложную задачу:
Оставаться здесь иль ехать в нанятую дачу.
Баба бодро вместе с Виком вышла на разведку
Посмотреть насколько будет здесь удобно деткам.
Через полчаса вернулись – оба с разным мнением:
На лице у бабы видно тяжкое сомненье.
Вик расхваливает бодро дом и сад Володи,
Где гулять детишки могут при любой погоде.
Говорит, что море близко – метров триста–двести,
Что для отдыха удобней трудно выбрать место.
Баба что-то про жилплощадь жалобно бормочет,
Что она детишек в погреб помещать не хочет,
Что машина остановку сделала напрасно,
Что она въезжать к Володе вовсе не согласна.

11.

Между тем густые тучи небо покрывают,
Гром гремит без перерыва, молнии сверкают,
И в вечернем полумраке частый дождик хлещет,
Промочить грозя до нитки и людей, и вещи.
«Невозможно дальше ехать при такой погоде.
Видно надо размещаться в домике Володи». –
Глядя на небо сказала баба с неохотой.
Вик и папа тащут вещи, обливаясь потом,

На веранде их небрежно складывая валом.
Баба с Дусею проворно прибирают залу.
(Для наглядности отмечу то, что в этой зале
Было ровно три аршина по диагонали).
Им усердно помогает Володина мама –
Героиня детских сказок вылитая прямо,
Та, которая ночами в воздухе летает
И, орудуя метлою, след свой замечает.

12.

С омерзеньем смотрит баба на сырые стены,
Где следы борьбы с клопами слишком
откровенны,
Где с беспечностью ленивой ползают мокрицы;
Мало ль разной прочей твари в комнате таится
С тем, чтоб ночью потихоньку выползти из щели
И ужалить малых внуков, спящих на постели.
Как с опасностью бороться, если света мало,
Если лампочка чуть светит – только в полнакала.
«И к тому же дух какой-то в комнате
острожный», –
Баба молвила, ноздрями поводя тревожно.
Дух действительно особый здесь на новоселье,
Пахнет псиною, мочою и какой-то прелью.
А снаружи то и дело молнии сверкают,
Гром грохочет непрестанно, дождь неутихает.
Накормив голодных внуков, взрослые поели,
Покалякали немного и легли в постели.

13.

День проходит, два проходят – нету перемены,
Стал совсем похож на север юг благословенный.
Небо плотно затянула туч седая грива,
Хлещет трое долгих суток дождь без перерыва.
Внуки бедные томятся, плачут от досады,
Жадно рвутся хоть немного погулять по саду.
Говорят им дед и баба: «Дети, можно разве
Под дождем холодным мокнуть и гулять по
грязи?»
Но, увы, советам старших не внимают внуки,
Хнычут, ссорятся, дерутся и вопят от скуки.
Чтобы внуков успокоить, баба им из сада
В изобилии приносит гроздья винограда.
Виноград все время внуки лопают с охотой.
Третий день к концу подходит – у Наташки рвота;
Побледнела, похудела, глазки закатила,
Виноград обратно гонит с неумной силой.
Вид у бабы очень мрачный – всем без слов
понятно:
Хочет баба малодушно уезжать обратно.

На четвертый день погода вдруг переменялась,
Кое где на горизонте небо прояснилось,
Иногда меж облаками солнышко проглянет,
Расцветет цветком чудесным и опять увянет.
С каждым часом больше, больше голубых
просветов,
После осени ненастной вновь запахло летом.
Дед и баба спозаранку по поселку бродят,
Окрыленные надеждой в каждый дом заходят,
Ищут новую квартиру для детишек малых,
Страстно жаждут переехать в комнату из «залы».
Чтобы новая квартира вновь не вышла боком,
Баба ходит, критикует, смотрит зорким оком:
Надо тщательно все взвесить и проверить строго,
Ограничен очень выбор, а претензий много.
Смотришь – там детей избыток, там – ступеньки
шатки,
В общем, нет приличных комнат, всюду
неполадки.
Дед усердье проявляет в процедуре этой:
Тоже ходит, критикует, подает советы
И одергивает бабу, вежливо и кратко,
При намереньи оставить сто рублей задатка
(А намеренья такие временами были).

Долго-долго дед и баба по домам ходили;
И когда уже изрядно оба приустиали,
Вдруг внезапно двухэтажный домик увидали.
Берег моря тут же рядом – за оградой сада.
Баба тихо шепчет деду: «Это то, что надо».
Постучались. Их встречают дядя, тетя, дети.
Дядя все им разъясняет – кратко, как в анкете:
Что владеют этим домом он с женой – армяне,
Что они когда-то жили возле Эривани,
Что сюда переселились из-за жизни горькой,
Что зовут его Джеваном, а отца – Геворком,
Что у них детишек трое, куры есть, корова,
Что их домик хоть не старый, но уже не новый,
Что они в нем пару комнат сдать всегда готовы
Небольших хоть пару комнат, но с отдельным
входом,
Что хотя живут там люди, но они уходят.
Услыхавши речь родную, баба умилилась
И почти что без осмотра вмиг договорила.
Дед, почувствовав, что дело пахнет мертвой
хваткой,
Сам без звука вынимает сто рублей задатка.
Умиленные, друг друга нежно взяв под руку,
Возвращаются тихонько дед и баба к внукам.
Баба пташкою щебечет – видно очень рада,
Обещает даже деду кое что в награду.
Ну а дед? Иного деду ничего не надо,
Для него награда бабы слаще шоколада.

Дома баба героиней по веранде ходит,
Для достоинств новой дачи красок не находит,
Скорпионит деда с Виком, делая намеки,
Что они – «пустое место», сони, лежебоки.

16.

Новый день опять приносит новые невзгоды:
Небо мглою тучи кроют, снова непогода.
Неуютно. Мокро. Грязно. Мелкий дождь моросит.
Папа с Виком терпеливо вещи переносят.
Надрываясь от натуги и шатаясь пьяно,
На плечах несут кошелки, свертки, чемоданы.
Возле дома у ограды их Джеван встречает
И, здороваясь, печально новость сообщает:
Что не все жильцы успели выехать сегодня,
Что из двух – одна лишь только комната свободна,
Что занять другую можно дня через четыре.
Значит надо размещаться шестерым в квартире,
Состоящей из коморки метров в пять квадратных,
Разве что вполне пригодной лишь для голубятни.
И веранды, в довершение, в этом доме нету,
Негде в мокрую погоду разместиться детям.
На насест их не посадишь, ведь они не птицы.
Делать нечего, однако. Надо покориться.

17.

На второй этаж поднялись. Видят Вик и папа
 То ль подобие чулана, тол ль большого шкапа.
 Из него ведут две двери в обе комнатушки,
 Одинаковых размеров тесные клетушки.
 Больше нечего добавить – вот и все хоромы.
 Дверь в одну из них закрыта – нет хозяев дома,
 А в другой стоят у стенки два топчана, столик.
 Папа с Виком в затрудненьи: размещаться, что ли?
 И махнув на все рукою – так и так не сладко,
 Начинают постепенно наводить порядки.
 Все собрали, уложили и стоят в сомненьи,
 Получилось нечто вроде камеры хранения.

18.

Раздаются восклицанья, гомон, топот, стуки –
 Прибывают коллективно баба, Дуся, внуки.
 Вновь прибывшие приносят бодрость, оживленье,
 Правда только на одно лишь краткое мгновенье.
 Постепенно гаснут взоры и тускнеют лица:
 Явь подобная в кошмарах может лишь присниться.
 В тщетных поисках опоры, голосом убитым,
 Дать горшок ему скорее попросил Никита,
 А Наташка, отползая в темный угол раком,
 То ли бабе, то ли деду крикнула: «Сабака».
 Дуся стала и застыла, как окаменела,
 И в отчаяньи на бабу смотрит ошалело.
 Баба с миною веселой при игре печальной
 Говорит категорично и весьма нахально:

«По сравненью с той квартирой здесь тесней,
конечно,
Но зато какой здесь воздух чистый безупречно.
Ну, а воздух, чистый воздух осенью на юге
Лучше всякого лекарства лечит все недуги.
Чтоб сберечь свое здоровье, так и запишите,
Днем и ночью непрестанно воздухом дышите».
Было столько убежденья в голосе бабули,
Что все слушатели разом тяжело вздохнули.

19.

Наступает вечер новый. Дождь стучит в окошко.
На топчане сном глубоким спят внучата-крошки.
Изо всех щелей струится с шелестом и свистом
Воздух в комнату чудесный, безупречно чистый.
Светлячком полупотухшим лампочка мерцает,
Баба в горестном раздумьи внуков созерцает,
Дуся, сидя рядом с нею, мается, томится,
С чистым воздухом не может сразу примириться
И московскую квартиру нежно вспоминая,
Временами потихоньку тяжело вздыхает.
Вик и папа проявляют новую сноровку:
Разговор ведут друг с другом и с полулитровкой.
Чтоб создать запас изрядный бодрости здоровой,
Выпьют чокнувшись, закусят и нальют по новой.
Дело к полночи подходит – надобно ложиться,
У кого спокойна совесть, тем спокойно спиться.
Баба с дедом спят «валетом» на топчане узком,

Вик к детишкам привалился в качестве нагрузки,
На полу свернулась Дуся маленьким комочком,
В одиночестве печальном коротая ночь.
Позабыв о новоселье и о всем на свете,
Спят спокойно сном глубоким взрослые и дети.

20.

Уезжать в Москву соседи, наконец, собрались,
На прощанье адресами с дедом обменялись.
Перед тем, как отправляться в дальний путь
обратный,
В уголке заводят с бабой разговор приватный
О погоде, о природе, о цветах и фруктах,
О московских и сухумских ценах на продукты,
О работе, о зарплате и о разном прочем.
В разговорах на расходы жалуются очень
И сбывают бабе оптом, не терпя убытка,
Часть продуктов, керосинку и электроплитку.
Пострадавших в этой сделке нет и быть не может:
Баба бизнесом довольна и соседи тоже.
Только дед при виде этой двусторонней хватки
Потихоньку чертыхнулся и вздохнул украдкой.
Потому что деду ясно, что всегда бывает,
Если баба, не торгуясь, оптом покупает.

*На этом, к сожалению, поэма
заканчивается.*

* * *

То не в зарослях малины
По утрам коты кричат,
То игре на пианино
Стали внуков обучать.
Фуги, чижики и гаммы
Нарушают дедов сон.
Вряд ли долго эту драму
Перенести сумеет он.

Все ж он терпит и не плачет –
Обойдется как-нибудь –
И порою лишь на дачу
Уезжает отдохнуть.

Вторая половина 50-х

* * *

Нику и Нате от Деда
(Исполняется на мотив «Сурка»)

На Колыме я долго жил
С Никиткой и Наташкой.

Большой шалун мальчишка был,
Никитка, брат Наташки.

Они не слушались меня,
Никитка и Наташка,
За это часто шлепал я
Никитку и Наташку.

Однажды как-то мне сказал
Никитка, брат Наташки:
«Ты нам не дед, а злой шакал,
Оставь свои замашки!»

Хотел язык мне показать
Никитка, брат Наташки,
Решил его я наказать,
Чтоб не давать поблажки.

Но он был так и мил, и мал,
Никитка, брат Наташки,
Что я его поцеловал
В лукавую мордашку.

Тогда сказал с слезами вдруг
Никитка, брат Наташки:
«Любимый дед, ты лучший друг
Никитки и Наташки».

С тех пор мы верные друзья
С Никиткой и Наташкой.

Люблю обоих крепко я,
Никитку и Наташку.

Я часто песенки пою
Никитке и Наташке,
Пугая этим всю семью
С Никиткой и Наташкой.

1950-1951

1* * *

Невесело что-то, родная,
Запала на сердце тоска,
Не скоро меня приласкает
Твоя дорогая рука.

Не скоро, обняв меня крепко,
Ты скажешь, улыбкой звеня:
«Ну, что пригорюнился милый?
Гляди веселей на меня!»

Бывало от этой улыбки
Становится сразу легко,
Тоска разлетается дымом.
Но ты далеко, далеко...

* * *

Хищными птицами ночью глубокой,
Тьму рассекая в стремительном лете,
С запада, севера, юга, востока
Стаями мчатся вперед самолеты.

Валится с неба блевотина гулкая,
Грохот, фонтаны ревущего пламени,
Груды обломков, хрипенье и бульканье,
Сотни убитых и тысячи раненых.

Юноши, дети, мужчины и женщины
Ползают в корчах предсмертной агонии.
В подвигах славных крылатой военщины
Сколько печальной и горькой иронии.

* * *

Душа поэта и бродяги,
Тоскуя, шлет тебе привет.
И вот на белый лист бумаги
Ложится строк неровный след.

На них слетают тихо рифмы,
Слова встают за рядом ряд,
И повинуюсь чувству ритма
Они с тобою говорят.

И ты услышишь в них невольно
Сквозь тихий шелест чутких строк
О том, как грустно мне и больно,
Как я безмерно одинок.

* * *

Когда для Родины моей
Настанет тяжкая година,
Я все пожертвую для ней,
Отдам единственного сына.
Забуду все – жену и дочь.
Друзей, работу – все забуду.
И сам пойду в туман и ночь
Врага своею встретить грудью.
И если пасть мне суждено,
На ниве, кровью обогреной,
Я знаю твердо – все равно
Не быть России побежденной.
В решительный и грозный час,
Когда война столкнет два мира,
Я знаю, многие из вас
Пойдут тропею дезертира.
Забудут Родину и честь
И побегут в смертельном страхе,
Неся паническую весть
О неизбежном грозном крахе.

И им в ответ шакалья рать,
Та, что сейчас в тени таится,
Начнет со злобою кусать
Колеса нашей колесницы.
Но ход судьбы неумолим,
Мы, сил и крови не жалея,
Страны своей не отдадим
И защитить ее сумеем.

* * *

Мы уже почти у грани,
Наступает Новый год.
Не могу сказать заранее,
Что с собой он принесет

Над землей нависли тучи,
Даль туманная темна.
Мы стоим у края кручи –
Вы и я, и вся страна.

Всюду слышен лязг железный,
Взрыв гранат, военный бред.
Под ногой разверзлась бездна –
Перепрыгнем или нет?

Что грядущее готовит,
Смертным ведать не дано.

Так и будем хмурить брови:
Чет иль нечет – все равно.

Все равно, что ни случится,
Путь у нас один – вперед.
Так давайте ж веселиться,
Провожая Старый год.

Наполняй вином стаканы:
За удачу! За успех!
Пусть мы будем нынче пьяны,
Выпить раз в году не грех.

И в заброшенных просторах
Мы, собравшись здесь сейчас,
Вспомним тех, кто мил и дорог,
Кто всегда в сердцах у нас.

Пожелаем им удачи,
Осушив стакан до дна.
Пусть душа слегка поплачет
Одиночеством полна.

Ведь не вечно быть ненастью,
Прояснится небосвод.
Пью за встречу! Пью за счастье!
За грядущий Новый год.

31 декабря 1936 г.

* * *

У лукоморья облик сонный,
Вокруг распаханная степь,
Давно срубили дуб зеленый
И сперли золотую цепь.
Кота ученого убили
(Он песен новых петь не мог),
Средь граждан мясо разделили,
А шкуру продали в Госторг.
За неисправность и упрямство
Русалке дали десять лет.
И, как босяк, погиб от пьянства
Пропойцей ставший леший-дед
На месте узеньких дорожек
Дороги торные легли.
Избушку уж на курьих ножках
Давным-давно в музей свезли.
В колхоз отдали лес дремучий,
Под ниву распахали дол,
И прошлому рукой могучей
Осиновый забили кол.

* * *

Лакированный ящик стоит у окна,
Нет изящества в грубой отделке,
В середине стеклянная прорезь видна,
Разноцветные цифры и стрелки.

Повернешь рычажок – вспыхнет лампочек
ряд,
Осветивши неполным накалом
Неуклюже сработанный диск-циферблат
И неровных штрихов интервалы.
С остановками медленно стрелка ползет
Среди воя, шипенья и свиста.
Вдруг все стихло. И вот кто-то песню поет
Переливчато, звонко и чисто.
То вдруг музыка грянет, отваги полна,
То раздастся размеренный голос
Из Хабаровска, Нома, Москвы, Харбина,
Сообщая последнюю новость.
Звуки множатся, ширятся, вихрем кружась,
Сквозь эфир проносясь ураганом.
И ты чувствуешь – с миром не порвана связь
Даже в этой лихой глухомани.

* * *

Из недавнего прошлого

Это было на закате дня –
Человек допрашивал меня.
Он придвинул черный телефон
И спросил, какого цвета он?
Я сказал, что он имеет черный цвет.
Человек с усмешкой злобной молвил: «Нет».

Крепко сжавши пальцы на руке,
Он меня ударил по щеке.
Говорил, что я, предатель и шпион,
Очернил советский красный телефон.
В результате этой встречи tet-a-tet
Получил я полновесных десять лет.

* * *

На рождение Павлушки

То ли утром, то ли в ночь,
Бор с женой Ариной
Родили не Павлу-дочь,
А сынка Павлина.
Мама рада, папа рад,
В общем, все в порядке,
У Павлина папин взгляд,
Мамины повадки.
Павлик мальчик всем хорош,
Мы в восторге прямо,
Он и с папой сильно схож,
И похож на маму.

1956 г.

Эдгар По

В о р о н

Как-то полночью унылой, я в томительном
бессильи
Задремал над древней былью, окруженный грудой
книг.
Было так дремать приятно, вдруг раздался стук
невнятный,
Будто шорох непонятный у дверей моих – и стих.
«Это гость стучит, – сказал я, – в двери дома
моего.

Гость – и больше ничего».

Как сейчас я помню это – за окном рыдает ветер,
На полу дрожат отсветы догорающих углей.
Ах, как ждал утра я страстно, заглушить хотел
напрасно
Книгой гнет тоски ужасной, скорбь и боль тоски о
ней,
О Леноре лучезарной – светлом ангеле тех дней,
Смертью взятой в мир теней.

Занавесок трепетанье, шорох-вздых багряной
ткани
Ощущал я с содроганьем, незнакомым мне досель.
Чтоб унять сердцебиенье, я сказал, тая волненье:

«То, без всякого сомненья, гость ко мне стучится в дверь.

Это поздний гость стоит там, возле дома моего,
Гость – и больше ничего».

Убежденный в этом мненьи, я сказал без промедленья:

«Леди, сэр, прошу прощенья, слишком робок был ваш стук.

Извините, ради Бога, я сейчас вздремнул немного

И сквозь грезы у порога слышал лишь неясный звук».

После этого широко распахнул я двери вдруг
– Только тьма одна вокруг.

В тьме глубокой удивленный, я стоял недоуменно
И душой моей смятенной овладел опять испуг.
Все молчало в эту пору, в тьме беззвучной хоть бы шорох.

Вдруг чуть слышный стон: «Ленора» уловил мой чуткий слух.

Это мой был стон, и эхо возвратило мне его,
Стон – и больше ничего.

Я вернулся в дом обратно, с чувством жгуче-непонятым.

Вдруг я вновь услышал внятно чей-то резкий, громкий стук.

«Это, верно, там случайно ветер громко стукнул
ставней, –
Прошептал я. – Нет здесь тайны, мне понятен этот
звук:
Это ветер стукнул ставней в двери дома моего,
Ветер – больше ничего».

Распахнув окно с усилием, я услышал взмахи
крыльев,
Там стоял, как в древней были, вещий Ворон
предо мной.
И войдя под своды крова, точно гордый лорд
сурово,
Не промолвил мне ни слова, а взлетев над головой,
Молча сел на бюст Паллады возле входа моего.
Сел – и больше ничего.

С замогильно-мрачным видом, точно кто его
обидел,
Он сидел, как черный идол, превратив испуг мой в
смех.
«Мрачен ты, зато проворен, гребень твой
плешивый черен,
Расскажи мне, мудрый Ворон, как ты звался среди
тех,
Кто живет в подземном царстве, где блуждаешь ты
всегда».
Каркнул ворон – «Никогда».

Получив ответ от птицы, я не мог не удивиться,

Ибо надо согласиться – смысла мало было в нем.
Вы слыхали-ль, в самом деле, чтоб когда-нибудь
доселе
Сел над входом вашей двери – будь то ночью или
днем –
Ворон иль иная птица, прилетевшая туда
С кличкой странной – «Никогда».

Пораженный странным этим, кстати сказанным
ответом,
Точно выстрел из мушкета прозвучавшим в
тишине,
Я подумал: «Верно, где-то заучил он слово это,
У того, кто без просвета жил в тоскливом полусне,
Кто без веры и надежды, средь заботы и труда
Знал лишь слово – «Никогда».

Затаив в душе тревогу, кресло сдвинувши к
порогу,
Сел я против птицы строгой, потупив печальный
взор,
Погрузившись в размышленье о таинственном
значении
Рокового посещения птицы – вещей с давних пор.
Что сказать она хотела, прилетев ко мне сюда,
Станным криком – «Никогда»?

Долго я сидел безмолвный. Взоры злые птицы
черной
Точно огненные волны прожигали душу мне.
Светом лампы озаренный, с головой на грудь
склоненной
Я вдруг вздрогнул, пораженный мыслью,
вспыхнувшей во мне:
Ведь она на это кресло, как в минувшие года,
Вновь не сядет никогда.

Вслед за тем вокруг незримо, в облаках кадильных
дыма
С легким шумом серафимы закружились предо
мною.
«Это Божье Провиденье в чаше радостной
забвенья
Мне дарует исцеленье, – прошептал я. – Боже мой,
Все, что связано с Ленорой, дай забыть мне
навсегда».

Каркнул Ворон – «Никогда».

«Злой пророк! – вскричал я скорбно. – Птица ты
иль демон черный?
Сатаной ты послан злобным или бурей занесен
В эту мрачную пустыню, где печаль царить
поныне,
Где тоска, как в домовине? Слышишь сердца
тяжкий стон?
Дай ответ мне: исцеленье я смогу-ль найти когда?»
Каркнул Ворон – «Никогда».

«Злой пророк !– вскричал я скорбно. – Птица ты
иль демон черный?

Отвечай, не будь упорным – Небом, Господом
молю

Дай ответ душе печальной: обниму-ль в Эдеме
дальнем

Девушку с душой хрустальной – ту, которую
люблю,

Ту, кого зовут Ленорой лучезарной, как звезда?»
Каркнул Ворон – «Никогда».

«Все разбил ты этим словом, – крикнул я ему
сурово, –

Уходи обратно снова в мир подземных берегов.

Мне не надо перьев черных, этих знаков лжи
упорной,

Что твердил ты в речи вздорной. Одинок я буду
вновь!

Вынь свой острый клюв из сердца и исчезни
навсегда!»

Каркнул Ворон – "никогда".

С этих пор, не улетаая, белый бюст не покидая,
Он сидит, как тень немая – черный Ворон – ночь и
день;

И горят глаза у птицы, будто демон в них таится;
Лампы яркий свет струится, прочь отбрасывая
тень.

И душе моей над тенью, что лежит на ней всегда,
Не подняться никогда.

Перевод Б.Вронского

* * *

**Дочке – нота-поздравленье в день
торжественный рожденья**

Не иначе чертовщина в нашем доме завелась:
Дочь почти на две недели раньше папы
родилась.

Дополнительно при этом, я прошу иметь в
виду,

Родились и дочь, и папа в январе в восьмом
году.

Папа с мамой просят дочку в день
торжественный рожденья

Извинить их, неумелых, за такое наважденье
—Мало ль фокусы какие нам судьба порой
подносит.

.

И еще принять подарки папа с мамой дочку
просят.

Угодить чтоб дочке милой мама лезла вон из
кожи,
Папа морщился, но маме подражать старался
тоже.

И теперь, закончив дело, мы хотим узреть
воочию,
Как воспримутся подарки дорогою нашей
дочью.

Эту бархатную сумку с золотыми ободками,
И серебряное сердце с благовонными духами,
И чулки – перлон тончайший – высший сорт и
высший шик,

Дам и девушек пленящий заграничной моды
крик.,

И серебряную штуку – то ли блюдце, то ли
вазу

(Без хорошей рюмки водки разобраться
трудно сразу) –

Мы тебе вручаем, дочка, вместе с нашим
поздравленьем

С двадцати-девятилетним юбилейным днем
рождения.

Вместе с нами поздравленья посылают внуки
наши,

Восприми их, дочка-мама, от Никиты и
Наташи.

От души тебе желаем долголетия, а паче —
Счастья, бодрости, здоровья, и во всех делах
удачи.

Подписались все подряд (*папа, мама, Ник и
Нат*).

16 января 1957 г.

Нам всем старательно внушали

Нам всем старательно внушали,
Внушали много лет подряд,
Что мудрый гениальный Сталин
Наш вождь, отец, наш друг и брат.
Но через двадцать лет Никита,
На гроб с опаскою косясь,
Лягнул его своим копытом,
Втоптал «отца и друга» в грязь.
Признаться, очень надоело
Нам столько долгих лет подряд
Весьма прилежно и умело
Лизать сей гениальный зад.
Лишь тот остался на свободе,
Кто выбрал этот скользкий путь.
Сейчас культ личности не в моде,
Пора немного отдохнуть.
Увы! Я знаю, скоро снова
Вернемся мы на этот путь
И будем зад лобзать Хрущева
Или еще кого-нибудь.

1957

В о ж д и

Собравшись в свободное время от «службы»,
Вожди в обстановке доверья и дружбы,
За круглым столом, в ожидании обеда,
Досуг коротали в приятной беседе.
«Я слышал, что в водке нашли витамин», –
Сказал, поднимая бокал, Хо-Ши-Мин.
«Да ну!» – протянул изумленно У-Ну, –
«Коль так, то налейте еще мне одну».
«Ну, что же ты медлишь, давай наливай», –
Промолвил насмешливо Чжоу-Эн-Лай.
«О водке я слышал рассказ очень странный» –
С улыбкой смущенья заметил Сукарно. –
«Кто пьет ее вдосталь, тем видеть дано
Зеленого змия и белых слонов.
«Доподлинно так. Но, увы, это зелье
Влечет за собой очень злое похмелье.
Поэтому пейте, но ведайте меру», –
Ответил ему многоопытный Неру.
«Зачем это в меру? Мы выпьем досыта», –
Сказал уважаемый всеми Никита. –
«Надеюсь, сегодня узреть мы сумеем
И белых слонов, и зеленого змея,
И множество разных диковинок прочих:

Довольных и сытых крестьян и рабочих,
Гибрид кукурузы и клюквы в Кремле,
И радость народа на нашей земле,
С которым мы делим доходы и власть...
Лишь пейте досыта и кушайте всласть.
Вожди, чтоб народ свой вести к коммунизму,
Препятствий чинить не должны организму.
Вождь должен быть гладок, дороден, упитан,
Ну, вроде меня иль товарища Тито
(Ах, сколько с ним было в Белграде попито!)
Вы ж все, как один, неприлично тощи,
Да, сразу заметно, что вы не хрущи.
С комплекцией вашей вождя, например,
Не сыщешь у нас ни в одной ССР...
Давайте же выпьем, раз рюмки налиты,
Бхай! Бхай! Панча шило!» – воскликнул
Никита. –
«Бувайте здоровы! Живите богато,
Мои дорогие друзья азиаты...»
Беседа тянулась всю ночь до рассвета.
Об этом нам вскользь рассказали газеты.

1957 г.

* * *

Д а ч н ы й б ы т

Бабой задание деду дано:
Сыпать под яблони с почвой г...но,
Старой картошки участок вскопать,
Лапник еловый из леса таскать,
Около сливы посеять лунарий,
Рядом с лунарием втиснуть «фонарик»,
Грядки оформить, канаву провести,
Ближе к жасмину пион перенести,
Площадь для новой картошки вскопать,
Около стенки дрова разобрать.
И в дополнение к этой картине
Срочно на дачу принести три рябины.
Дед к исполнению принял заданье
Дедам и бабам другим в назиданье.

Перевел с «армянского»

ДЕД

*. С подлинным верно – подпись/Баба/
Сентябрь 1970 г*

Притиска Бабы:

Дед недолго огорчился,
Он не сильно надрывался:
Вместо Бабиных программ
Подарил он вирши нам.

* * *

С т р о й к а

Над рекой Колымой, над безлюдным
простором,
Где тайга заунывно шумит,
В голубой вышине слышен рокот мотора
И крыло самолета блестит.
У крутых берегов, где отвесные скалы
Неподвижной громадой стоят,
Раздается грохочущий взрыв аммонала.
И обломки фонтаном летят.
По широким долинам, где зыбкие топи
Не давали прохода совсем,
Огибая болота, поднимаясь на сопки,
Вьется горная лента шоссе.
В самых диких местах – там, где только
тунгусы
Временами могли кочевать,
Боевым авангардом, в царство камня и гнуса
Поисковая движется рать.
Пробужденный от сна, от медлительной лени
Дикий Север, как в сказке, растет.
И Природа, покорно склоняя колени,
Нам богатства свои отдает.

Средь тайги зеленеют оазисы пашен –
То ли будет еще через год!
Это воля к победе. Это мы. Это наше.
Это общая стройка идет.

* * *

Ода в честь Лунохода

По веленью вождей
В центре Моря Дождей
Ходит взад и вперед
Наш советский
Первый в мире
ЛУНОХОД.

То направо он идет,
То налево он идет,
То вдруг сделает на месте
Образцовый поворот.

И следы его видны
На поверхности Луны.
Вот какой он, этот самый
ЛУНОХОД.

Из космической дали
Видим мы его с Земли.
Видим, видим, как ползет,
Вверх поднявши свой железный хобот,

Наш советский пролетарский робот.
И гордится наш народ,
И ликует наш народ,

И, как водится, за чаркой чарку
Пьет.

Пусть же долго, долго
Ходит не спеша,
Утирая нос дельцам
Из США,
Не неделю и не месяц,
А весь год,
Наш советский,
Первый в мире
ЛУНОХОД.

1970.г.

* * *

К а н т а т а

Живет совместно много лет
С бабусей-дамой дед-валет.
Он был когда-то дед-король,
Но не осилил эту роль
И очень скоро стал валетом
Не козырным, к тому ж, при этом.

А так как он не козырной,

То ходит под своей женой.
Она ему вчиняет «втык»,
Но дед не ропщет – он привык,
Зане он старый курский хрен,
А баба родом из сирен,
Живущих в озере Севан,
Священном озере армян,
Близь их столицы Эреван,
Где народилась баба-джан.

Певучих фраз волшебным бредом,
Как в древней сказке Лебедь – Леду,
Заворожила баба деда,
Когда еще он не был дедом.

Все говорят с издавних лет
Бабусе – «да», а деду – «нет»,
Зане дед – тьма, а баба – свет,
Дед – распушившийся ревень,
А баба – белая сирень,
Дед – смрад, бабуся – аромат,
Дед – темный лес, бабуся – сад,
Дед – черный обгорелый пень,
Бабуся – белая сирень.

И вот господствуют посменно
Над старым дедом ночь и день
То баба – белая сирена,
То баба – белая сирень.

Сегодня, в праздник Октября,
Наш дед старается не зря,

Он преподносит в этот день
Бабуся «Белую сирень»,
Но он разыщет непременно
Для бабы «Белую сирену».

7/XI – 70

Ответ (бабы) на Кантату

Живут совместно много лет
Со старой бабой старый дед.
Дед никогда не был валетом,
А с давних пор слывет поэтом.
И баба – белая сирена,
Иль баба – белая сирень...
То все лишь бред. Мечта поэта
И не всегда к тому-ж при этом...

А правдой в песне лишь была,
Что баба словно снег бела,
Что дед из курских сыновей
(Вот почему он соловей).
А бабе родина – Севан
(Вот почему она ишхан).

Сирен в Севане не бывало,

Так разъяснил наш внук бывалый.
И дамой баба не была,
Ни также сказочною Ледой.
Она лишь белая раба
В поместьях королевских деда...

Она, вскочив с утра чуть свет,
Копаясь по уши в навозе,
Горох сажает много лет
И белую сирень, и розы,
А дед срезает лишь букеты,
Как подобает то поэтам.

Он рвет и розы, и сирень
Для разных дам и для сирен.
А бабе лишь одна судьбина
Бездомной кочевать в чужбине,
Как кочевали с древних лет
И предки, и отец, и дед.

Она живет под серым сводом
Холодных, чуждых ей небес
И лишь мечтой согреться может
О дорогой стране чудес.
Где небо знойно, где Масис,
Неповторимость Еревана,
В цветущих склонах Алагез
И в горных высях синь Севана.

* * *

1970 г.

О д у в а н ч и к и

Одуванчики мои, милые цветочки,
Сколько высыпало вас после теплой ночи.
На зеленой мураве желтенькие точки,
Вы мелькаете в траве, словно огонечки.
Впрочем, Бабой дан приказ:
Уничтожить срочно вас,
До последнего цветка,
До последней почки,
Не надели вы пока
Белые платочки.
Слыша жалобный ваш плач,
Дед кусает губы,
Но он все же, как палач,
Головы вам рубит.
Не сердитесь на меня,
Милые цветочки,
Так как скоро сменят вас
И сынки, и дочки.

Дача, лето 1974 г.

Сказание о Тунгусском метеорите

*(Сатирический ораторий, или Объективная
летопись событий)*

(Фрагменты)

Летело огненное тело.
Земля тряслась. Тайга горела.
Гул. Грохот. Адский пламень. Дым.
То эвенкийский бог АГДЫ,
Подобно огненной лавине,
В одежде из огня и дыма
Среди обширной котловины,
В истоках ручейка Чургима
Сошел на землю величаво,
Во всей своей красе и славе.
Там, где ступил на землю бог,
Лес перед ним покорно лёг
Необозримой полосой,
Как будто скошенный косою.
Тайги не стало. Мертвый лес
Лежал вокруг. Живой исчез.
Участок этот многоверстный,
Помеченный печатью бога,
У эвенков священным местом

Считался. Долго в тайне строгой,
Шаманов слушая запрет,
Хранили эвенки секрет
От лючча – русских любопытных.
Но в наше время долго ль скрытно
Быть может что-нибудь на свете?
И постепенно о секрете
Узнали многие. Из них
Одним из первых был КУЛИК.
Он в Академии наук
Сотрудником ученым был
И уж давно на странный слух
Свое внимание обратил –
На то, что где-то в глухомани,
Среди тайги упал с небес
На землю раскаленный камень
И повалил в округе лес.
От Хушмо на восьмой версте,
Пройдя Чургимские ворота,
Кулик в заимке, как в гнезде,
Осел на Северном болоте.
Близ края Сусловской воронки,
Почти что рядом, чуть в сторонке,
Он землю стал копать, долбить,
Чтоб воду из нее спустить.
Канавою, с трудом прорытой,
Сумел воронку осушить,
Но не нашел метеорита.
На дне ее в ненастный день,
Ошеломясь иной проблемой,

Он обнаружил крупный пенёк
С развитой корневой системой.
И вот теория «горит»,
Пылая мрачными огнями,
Какой же тут метеорит,
Когда имеешь дело с пнями?

Однако надо делать что-то...
Куда податься – вот вопрос.
И он на Южное болото
Все упование перенес.
Здесь! Только здесь, в грязи и тине,
Под кровом торфяным на дне
Лежит затянутый трясинной
На недоступной глубине
Слетевший вниз во время оно
Метеорит тысячетонный.
Доклад готов. Готовы сметы.
Кулик желанием горит
Опять на будущее лето
Идти искать метеорит.
Но вдруг война. И с ополчением
Кулик уходит на войну,
Чтобы погибнуть в заточенье
В фашистском тягостном плену.
Через пятнадцать долгих лет
Проложен вновь к заимке след.
Сюда, в исконный край эвенский,
Работать прибыл К.Флоренский.
В науке он поднаторел,

Не путал следствие с причиной,
И от своих секретных дел
На время вырваться сумел
В район Великой котловины
Там все болота обошел,

Увидел знаменитый вывал,
Метеорита не нашел
И быстро в путь обратный выбыл.
Прошло еще пять долгих лет,
И вдруг набатный звон раздался:
Ура! Метеорита след
В старинных пробах отыскался.
Была задача не легка,
Пришлось немало повозиться,
Покуда в пробах Кулика
Нашлись железные частицы.
Промчалась радостная весть –
С железом вместе никель есть.
Понятно все. Секрет открыт:
Железным был метеорит.
Любители науки чистой,
А не упорного труда,
Поход московские туристы
Решили совершить сюда
С девизом гордым – «В это лето
Мы едем по заданию КМЕТа»*,
Что было звучно и красиво,
Хотя и не совсем правдиво.
Разбившись на четыре спарки,

Они проплыли на байдарках
Вверх по реке, гребя натужно,
Как раз до пристани на Хушмо,
Откуда дружно всей ватагой
Пошли к заимке мерным шагом
Тропою и по целине,
Неся байдарки на спине.
Они недолго здесь пробыли,
Дошли до Чеко и уплыли
По речке Кимчу к устью вниз,
Внеся свой ценный вклад в туризм.
Здесь по тропинкам и без троп
Бродили Вронский и Петров,
Ища того, чего не клали –
Загадочный Чургимский камень,
На коем тридцать лет назад
Остановил случайно взгляд
Янковский, идя на охоту
В районе Южного болота.
Его сугубо странный вид
Напоминал метеорит.
Но так как был он не железным,
Туда Кулик не захотел
Сходить, считая бесполезным
Его осмотр средь прочих дел.
Вторая группа – томичи:
Преподаватели, врачи,
Студенты и иной народ,
Сюда приехав за свой счет,
Тунгусское решили диво

Всерьез на месте изучать
С позиций ядерного взрыва,
Которым космо-звездолет
К земле закончил свой полет.
Они в Казанцевскую схему
Внесли оригинальный штрих –

Иной, не Солнечной, системы
Корабль-скиталец был у них,
Погибший с взрывом страшной силы
В год тыща девятьсот восьмой.
И вот к Казанцеву поплыло
Большое теплое письмо.
«Какое это было б счастье,
Далекий наш московский друг,
Когда бы вы принять участие
В поездке согласились вдруг».
Казанцев шлет им телеграмму
Почти что в девяносто слов,
Он одобряет их программу
И ехать с ними он готов.
Однако (как прискорбно) все же
Сейчас он выехать не может,
Не может посетить тех мест.
Вот полный телеграммы текст:
«Из кругосветного турне
Вчера я только возвратился.
Письмо, направленное мне,
Прочел, вздохнул и умилился.
Поездка для меня мила,

И день, и ночь о ней мечтаю.
Но вот беда – дела, дела
Уехать мне не позволяют.
Читали вы наверно в прессе,
Мои далекие друзья,
Что скоро заседать в конгрессе,
В международном, должен я.

Что делать мне? Судите сами.
Но мысленно всегда я с вами.
А это ведь одно и то же,
Мы разделить работу сможем
Так, как учил мудрец один:
«Мои идеи – ваш бензин».
Прошу вас, мой совет учтите,
Он вам в дальнейшем пригодится:
Всерьез проверку проведите
Всей менделеевской таблицы.
Прибытья ваших данных новых
Я с нетерпением буду ждать.
Доклад, совсем уже готовый,
Придется мне подзадержать.
Идеи Шкловского за нас –
Оригинальные идеи.
Внимание широких масс
К проблеме мы привлечь сумеем.
Метеоритчикам позор!
А мы произведем фурор
Среди своих и иностранцев.
Жму руку вам. Привет. КАЗАНЦЕВ».

И томичей упорных группа
Искала мхи, коренья, трупы,
Чтобы на стронций 90
Исследовать усопших кости.
Они впервые в это лето
Занялись съемкой гамма-бета,

Пытаясь гибель звездолета
Установить среди болота.
Увы! Ни гамма, и ни бета
Не дали четкого ответа,
Как увязать проблему «Дива»
С идеей ядерного взрыва.
Все странно, смутно, непонятно.
И Томичи ушли обратно,
Чтобы на следующее лето
Вновь возвратиться к теме этой.

Пологие сопки. Гора Фаррингтон.
Заимка на южном болоте.
Сюда посетитель — а их легион —
По собственной едет охоте.
Он едет сюда и желаньем горит
Найти тот загадочный метеорит,
Тунгусское дивное диво,
О коем уже с незапамятных пор
Потомки и предки ведут жаркий спор
В десятках гипотез красивых.

Одни утверждают, что здесь звездолет
Погиб, не сумев приземлиться.
По мнению других, здесь космический лед
При взрыве успел испариться.
У третьих – железный иль каменный дождь
На Землю обильно пролился.
Невольно бросает читателя в дрожь,
Обилье гипотез – где правда, где ложь?

Как в этом во всем разобраться,
До истины-правды добратся?
И вот, каждый год, как пройдет ледоход,
Вплотную приблизится лето,
Романтик к заимке толпою идет,
Не ждя разрешенья от КМЕТа.
Идет по тропе с рюкзаком на плечах,
Склонивши упрямую выю.
Кто едет сюда на казенных харчах,
А кто на свои трудовые.

Безвластье царило два года подряд
В районе Тунгусского дива.
Одни приезжали сюда проверять
Гипотезу атомовзрыва.
Они целый день, не щадя своих ног,
Шагали, разбившись на группы.
Сжигали коренья, листву, прелый мох,
Искали шаманские трупы.
ругие с завидною ловкостью рук,
Заранее выбравши тему,

Старались какой-то обугленный сук
В отчете воспеть, как поэму.
А третьи упорно, в груди затаив
Надежды ласкающей пламень,
Искали похожий на сказочный миф
Заветный Янковского камень.
Два года прошли. Промелькнули, как сон.
Но четкого нету ответа.
Тайга наложила упрямо на все.
Железное, крепкое «вето».
Настал, наконец, 61-й год,
И вот, в соответствии со сметой,
АН СССР экспедицию шлет
Под громкою вывеской КМЕТа.*
Задача поставлена прямо в упор:
Должно разрешить это лето –
Что здесь взорвалось – звездолет, метеор,
Антивещество иль комета?
И был или не был лучистый ожог?
Когда появились болота?
Зажегся ль от взрыва один только мох
И было ль действительно что-то.
Мы будем с корнями деревья валить,
Смотреть на бывшие пожары,
Опробовать почву, болота бурить,
Исследовать старые гари,
Имея в виду путеводную нить –
Манящий загадочный шарик
Размером всего лишь в полсотни микрон,

Блестящий, сверкающий, гладкий,
Таит, как известно, в себе только он
Решенье великой загадки.

**КМЕТ – Комитет по метеоритам АН
СССР*

Собравшись в экстренном порядке
Сюда, к заимке Кулика,
Прибыли Золотов и Дядькин,
Два геофизика-друга.
Идти к заимке нет охоты,
Был ими избран путь другой:
Они на бреющем полете,
Уютно сидя в самолете,
Промчались вихрем над тайгой.
Проделав в воздухе два круга
Вокруг заимки Кулика,
На землю сбросили два друга
Два полновесных рюкзака.
Но в термокарстовой воронке,
Взметнув фонтаном к небу грязь,
Болотной жижей булькнув громко,
Навеки их багаж увяз.
И содержимому, и таре
Пришел, как говорят, капут...

Друзьям пришлось из Ванавары
Пешком отправиться в маршрут.
Идя вперед не слишком прытко,
Поникнув буйной головой,
Друзья, подобно двум улиткам,
Все на себе несли с собой.

Открытий сделано немало
За этот кратко-длинный путь.
Они вперед идут устало
И не желают отдохнуть.
– Смотри-ка, Ваня, ведь недаром
Деревья будто бы пожаром
Лежат вокруг обожжены.
Везде, отчетливо на диво,
Ожоги ядерного взрыва
На сучьях и стволах видны.
– Ты видишь, Ваня, уголёк
На том сучке, сидящем криво?
Тебе, конечно, невдомёк,
Что здесь след ядерного взрыва.

Любителям-подводникам

На озере Чеко ищите разгадку!
В его недоступной для глаз глубине
Скорее всего вы найдете остатки

Межзвездной ракеты, средь ила на дне.
И вот, подготовив баллоны и шланги,
Подводный мушкет прихватив заодно,
В резиновых ластах, надев акваланги,
Вы спуститесь гордо и смело на дно.
В немом полумраке бесшумно, как тени,
У дна, где метровые щуки живут,
В экстазе азотно-угарных видений
Проложите вы свой бессмертный маршрут.
Я знаю. Я чувствую – верьте поэту,
Что с тайны удастся сорвать вам покров,
Когда перед вами откроется «Это» –
Остатки взорвавшейся в небе ракеты,
Посланца далеких межзвездных миров.
Поверьте, вас ждет небывалая слава!
Вам будут завидовать все, как один,
Когда вы кусок неизвестного сплава
Наверх извлечете из темных глубин.
А может случиться, что странные кости
Удастся найти вам средь ила на дне,
И мы распознаем, какие же гости
Погибли в далекой Тунгусской стране.
Они к нам летели, считая парсеки,
Не зная того, что погибель их ждет
На озере странном с названием Чеко,
Где прах их подводник-любитель найдет.
Найдет и вручит потрясенному миру
Какой-то загадочной кости кусок.
Быть может, с комком силикатного жира,
Который случайно к суставу присох.

А может быть статья, что в кости той старой
Иной обнаружится странный состав:
Не кальций там будет, а стронций и барий,
Чего не знавал ни один костоправ.
Иной неудачник, пожалуй, заплачет,
Узнав о такой небывалой удаче
При виде такой замечательной кости,
С которой сучку не сравниться, ей-богу,
Хотя б он был срезан лучистым ожогом.
Итак, начинайте! Ныряйте! Ищите!
Мутите с усердием ил и песок,
И в будущем вашем отчете взрастите
Гипотезы новой роскошный цветок.

* * *

Собрание фото-стихотворений

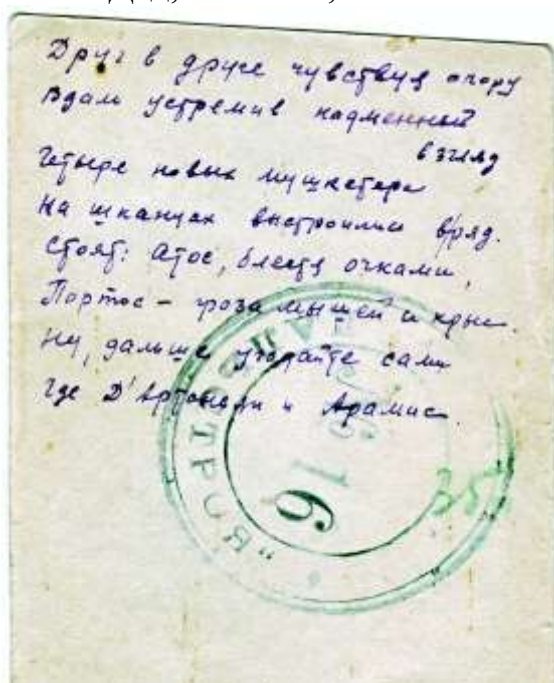

25.10.1932 г.

Маме, дочке и сестре
Дано Горюхи-Венный дарок,
Готов всем дорогим подарить
Что с вами я не должен
не буду больше расставаться.
25/10-32.

Четыре новых мушкетера: Б.Л.Флёров, Фейгин,
Дед, М.Котов, 1935 г.

Вперед по целине в долине р.Оротукан, май 1935г.

В той стране, где не слышали
 слова "Телеса"
 И где вечно земли только камни,
 да медь
 По кислороду месью талом
 снегом
 Мел утюгом шло вперёд

р Оротукан
 май 1935г

С Колымы привет всем сразу 15 июня 1936 г.

С Колыми, привез всем сразу
Трех любимых германцев:
Сыну, дочери и маме.
Ваш, - всегда душою с вами
Яна - Борска, Бор, "Буза"
Свето-серые глаза

15/II - 367.

кл. Знаменский.

1936 г.

Два мѣки вистрела подред
 Прекрасни' уцели на дърв
 Об згол внајто говорат
 Два превосходни мѣкара.

1936

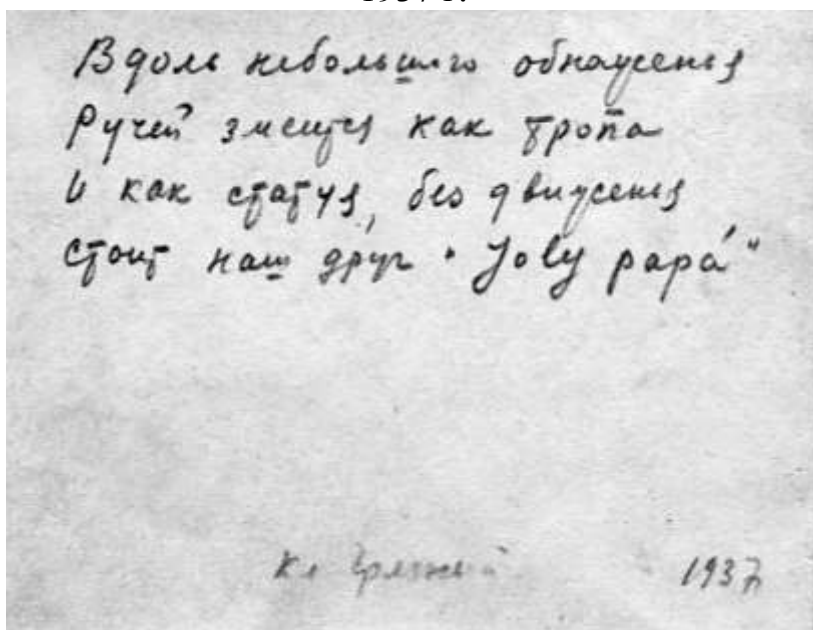

30 ноября 1936 г.

Кому, и буду твердо верить
В правду веры оленей.
Пусть - дрозд пур до Тиньберген
и нас свиданья дама.
Так вот - давай говорить речу
и пили крепко, не забудь,
Эти мы с тобой через разницу
Дома не найди совмещенный пур.
30/11 - 367.

1937 г.

1939 г.

233

30.05.1945 г.

30/V-45 год

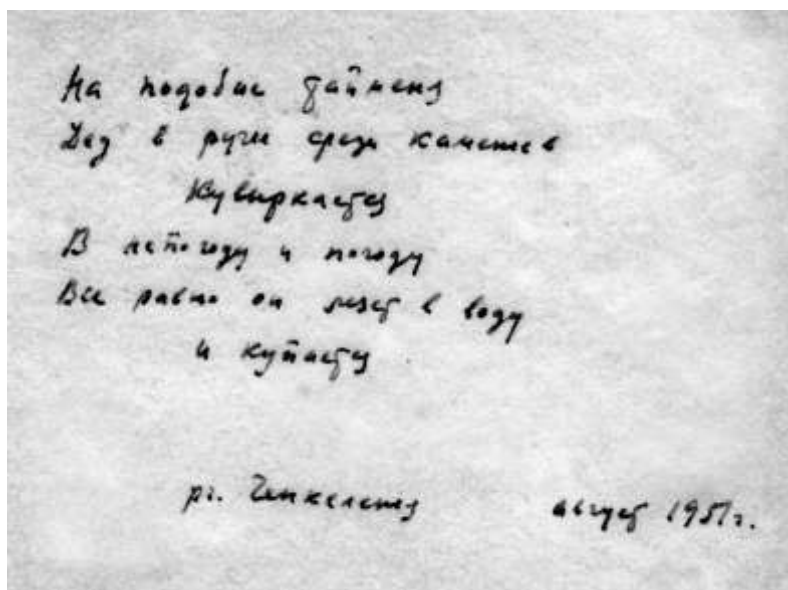
Растроганы, доволены горды
 Все чиняющиеся морды.
 Чему они так рады рады?
 Им нынче в вину награды:
 Медаль и орден. Да и им, богу,
 В душе несутся заработы до-фа.

1950 г.

Наподобие тайменя, август 1951 г.

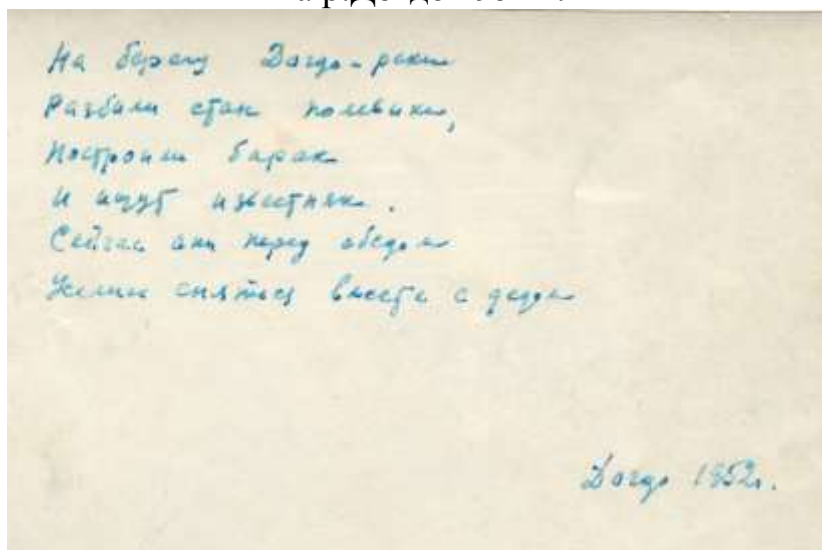

Кто на Яне житѣя не изведат, 1951 г.

Кто на Яне житѣя не изведат,
 К однокласснику ко не дивит,
 Равнодушно посматриват на деца
 На не обучаванихъ лиц.
 Ну, а бож, кто сам поше на Яне,
 Кто знает и займалой языкъ
 Повторяе какъто не чужае:
 "Житѣя на Севере ко, с есиет."
 августъ 1951г.

На р.Догдо 1952 г.

Горе-рыбаки

Немногичко качувајќи с
 пригудам
 Вој збо горе-рыбаки,
 збо бодро ловат рибку
 "удали"
 Вздремену на брежу
 реки
 На збо ловци сии каде-
 • тој
 Никак з не могу понду-
 рыбешка веде не
 Крајна-девица,
 збо збо странниј корн
 клевај

27.01.1952 г.

Милой бабе, внукам,
друзьям,

Посылаю гус

В знак любви и дружбы

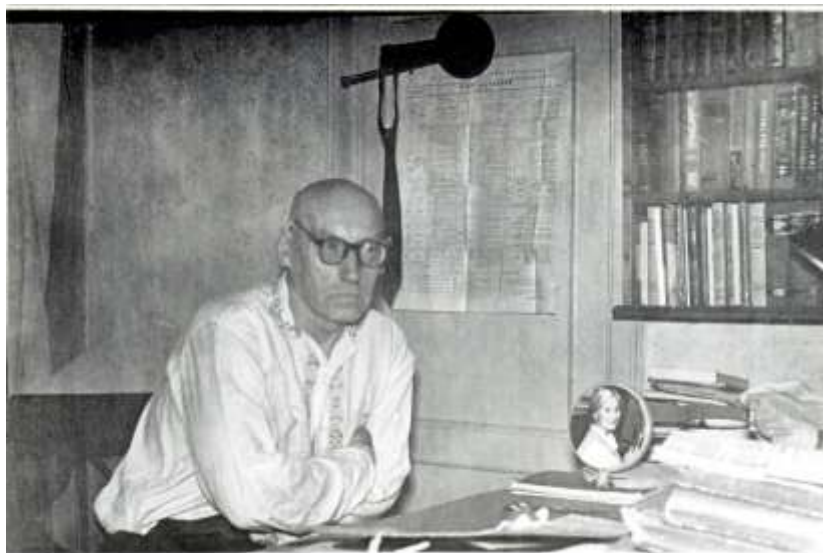
ЭГ

Карголку - корабль

27/1-52г.

Батыгай 1952 г.

На Соколе

погину погалеа дед,
мрачен отгело?
Погому, што баба не
около нас.
Души на свеје огнолу -
сјаеа свѣ на нѣ.
Дед бабагому - сему
мрачен & унѣ

1952 г.

Мб, это-б понаер буда ере суко,
 где есть следы гасуекки грот
 Веден коней, в чреп по буюко,
 Грес болобисгун голя.
 Здеси ки пройди вуюком на конне,
 Гресси присоизит пещком.
 Я позачи нду в кассонае
 по чрепной гунди босаком

1952 год.

Барак в долине ручья Хастах 1952 г.

Хорошо в вечерней тишине
 После долгого пути
 Обдухнули в таком бараке,
 А на утро вновь уйдти.
 Пусть вокруг дымно и серо,
 Золоток лесу, как из ведра,
 Ты спокойно как в квартире
 Молчишь стар встар до утра.

Хастах 1952.

р. Догдо 1952 г.

Хороша река Догдо!
 Здесь в буйи всевозможны
 Смерть и грехи и коф дорожный
 Быстрою холодною водой.
 Лезеши в реку старик,
 Грязный и усталый,
 Вылезаше - бодрый,
 Гибкий, молодой.

Липец 1952г.

Сколько в этой утренней прохладе
Тишины, и мира, и отрады.

Вот за это самое тайгу

Никогда я бросить не смогу.

Я не буду размышлять о том,

Что нас ожидает впереди,

Но мне кажется, что на ее груди

Я засну последним вечным сном.

Правобережье р.Адичи
лето 1952 г.

р. Догдо, 1952 г.

небо синее. облака.
 Путь-дороженька не легка
 по крутым горам,
 и длинная река,
 где усталая вода
 не бывает в век

р. Догдо 1952 г.

Батыгай 1952 г.

Мы сейчас закончили сборы
 Собираем из
 В "Кекуевые" проходы
 Но "Беспутию" из

Вы без сомнения готовы
Поверить в этот сад фруктовый,
Забыв о том, что здесь на Яне,
Сады фруктовые в из'яне.
На деле все гораздо проще:
Здесь мимикрирует под сад,
Неопытный чаруя взгляд,
Кусочек тополевой рожи.

р.Туоостах лето 1952 г.

Судьба людей и зданий схожа:

И у людей бывает то же,
Когда в глухом уединенье,

Опустошенные, в забвенье,

Они в немом оцепененье

Свой грустный доживают век,

Как эти жалкие строения.

р.Туоустах лето 1952 г.

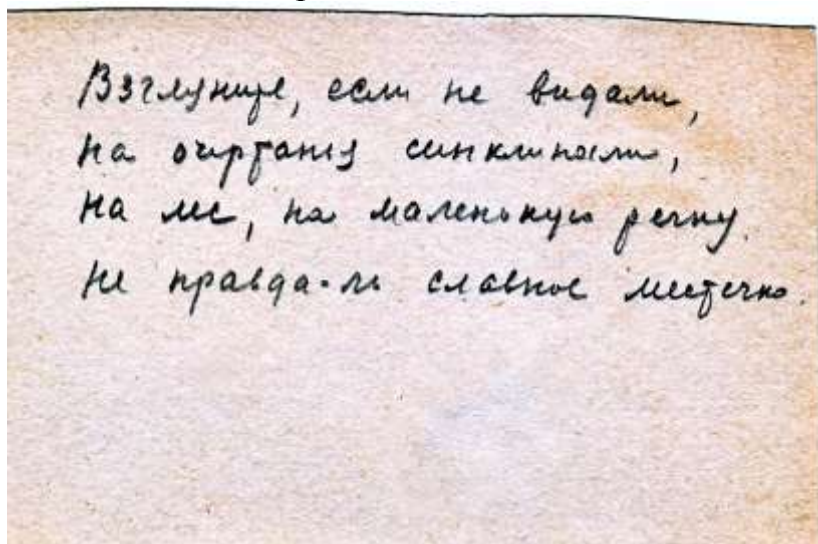
1952 г.

Было много в зной лунные
улыбки,
Все они сейчас за кожан
сидят;
Мне один из них - урок
молодой,
и кто-то расцвечет с широк
водой,
и за краснотой из сени - восток
улыбки
Он, единственный, на пальце был
мной спел

Лавров 1952.

Очертанья синклинали

Взгляните, если не видите,
на очертанья синклинали,
на лес, на маленькую речку.
Не правда ли славно и интересно.

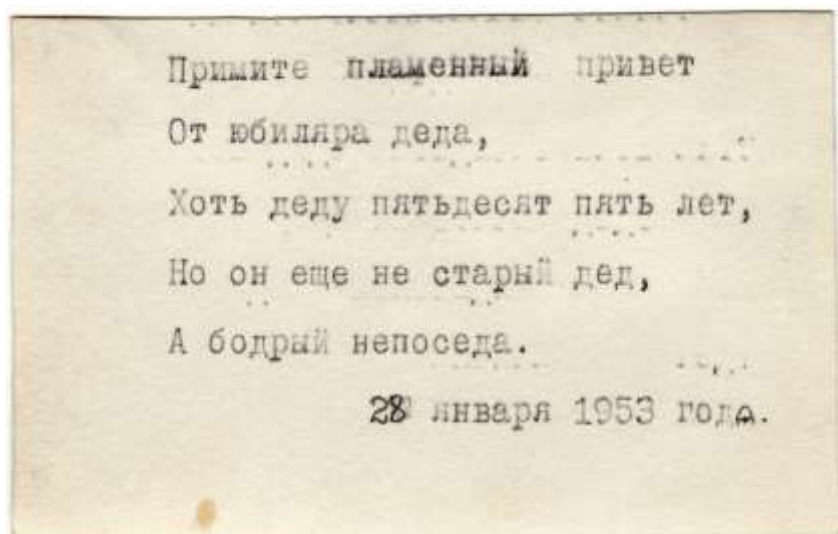

И здесь - в далеком Верхоянье,
Есть незабвенные места,
Где в повседневном сочетанье
Царят Печаль и Красота.
В них есть свое очарованье,
Я вновь стремлюсь их повидать
И хоть тропой воспоминанья
По ним проехаться опять.

р.Догдо лето 1952 г.

Дед, 28.01.1953 г.

Эти страшные чудовища,
Безобразные, косматые,
Стерегут в тайге сокровища,
что от глаз людских запрятаны.

Бургочан (сентябрь 1953 г.)

Гольдштейн, ручей Хомпо, 13 июня 1953 г.

Он направился на речку
Леса для улова рыбы.

Поклонник суровой моральщины,
Гольдштейн, чтоб не смущал нас взор,
На месте фот. был бы
Поделился глубинный фотоп.

р. Хомпо 13/06-53.

Дед. Зима 1953 г.

Дед здесь просто неприличен -
 Слишком мрачен, толст, циничен.
 Поза, тусклый мятый лик,
 Сползший набок воротник,
 Галстук обившийся нахально
 Все нелепо, все скандально,
 Все достойно порицанья
 В этом фотоотрицанье.
 Снимок выправят едва ли
 Даже дедовы регалии.
 В общем вправе молвить всяк:
 Дело дедово "табак".
 зима 1953г.

Зима в Верхоянье, Бургочан, февраль 1953 г.

Поправок вносить в это фото не надо,
Пред вами картина из Дантова «Ада»,
Когда утомленные Дант и Вергилий,
Одежды сменивши, устало вступили,
В смятении и страхе держась друг за друга,
В пределы последнего страшного круга,
Которому смертные дали название
Десятый круг ада – зима в Верхоянье.

Бургочан, февраль 1953 г.

Сосновый Бор в Михайловке, сентябрь 1953 г.

Такие снимки - будем частны,
Невольно восхищают взор...
Знакомьтесь - мой почти ровесник
И тезка мой - сосновый Бор.
Он, также как и я, родился
На берегу Свапа-реки,
Подобно мне отмолодился
И записался в старики.
Надеюсь я, что очень скоро
Вновь повстречаются два Бора.

Михайловка сентябрь 1953 г.

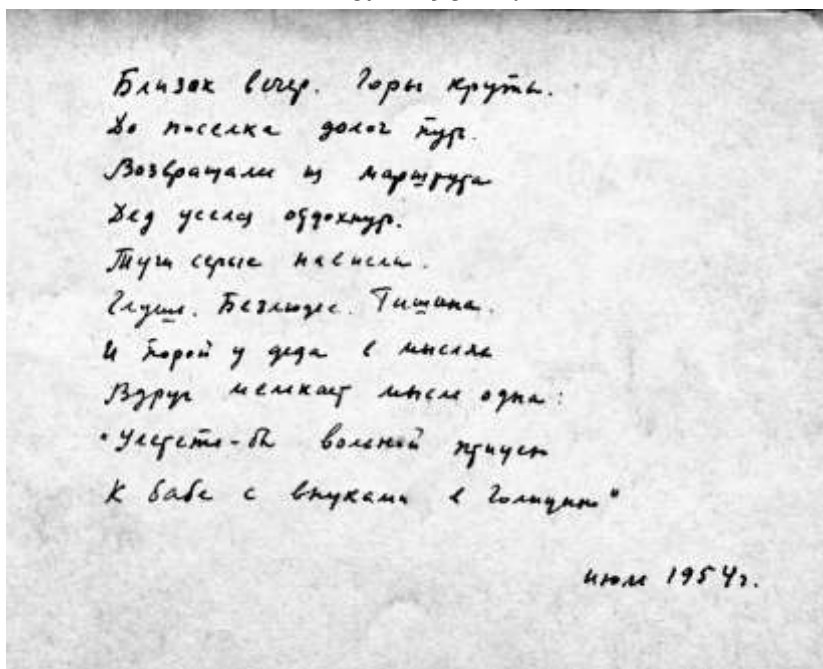
Батыгай, 30.05.1954 г.

- 1 Кусогек из урзны,
изо подимной били ...
лукавы мисы
Бобра окружым.
- 2 Бобраха далеко,
Бобрат не видатис.
Тяжеле молени
кесис утускара
- 3 Рещичи они,
зо кауфала пори
Забрав с свои лань
сизы Бобра
4. Ой, не бича-б лия,
Бобриха, смотри.
Бобер бросиушеч,
А мисы хитри.

Батыгай 30/05-54.

Июль 1954 г.

Батыгай, октябрь 1954 г.

Есть такой у рыбаков обычай -
Гордо хвастаться своей добычей,
Дед ваш хоть непризнанный рыбак,
Но, он тоже, поступает так.
Здесь видны, без всяких пояснений,
Пять больших, им пойманных, тайменей.

Батыгай сентябрь 1954 г.

Батыгай, октябрь 1954 г.

Посмотрите на вашего деда,
На его кровавую морду.
Одержав над зайчиком победу
Смотрит он торжествующе-гордо.
Он всерьез себе ставит в заслугу,
Что убит им зайченок убогий...
Перед вами не дед, а зверюга,
Омерзительный хищник двуногий.
.....
Впрочем строго его не судите,
Так как мясо вы сами едите.

Батыгай октябрь 1954 г.

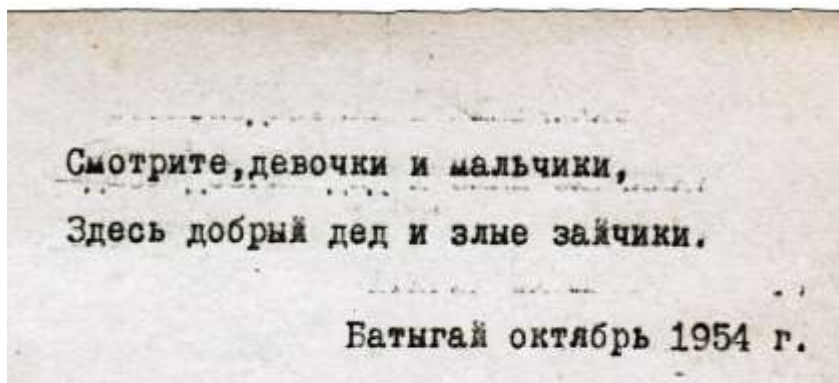

Батыгай, октябрь 1954 г.

Больную натрудивши ногу,
Проделав долгий трудный путь
Дед притулился возле стога,
Чтобы немного отдохнуть.
Вот он сидит и отдыхает
Ваш непоседа Сербигед
И внуков с бабой вспоминает,
Грустя о том, что здесь их нет.
Батыгай октябрь 1954 г.

Батыгай, октябрь 1954 г.

НА ДАЧЕ

Апрель 1949, Никита.

На даче 1951 г.

Никитка с бабою малгаф
 на фоне нашей мраморной дачи,
 в которой все, вилор д' сгучини,
 воиш - "дай денн, денн, денн!"
 и баба - сгарий мафчага,
 из всех дугучини ей дугачик
 лэтиш ретар эту багу:
 из гедя выколобачу дагу.
 Оу згой дачи окаянной
 не саруш геду в Вирохоний.

1951г.

Перед домом утром рано
Распустились шесть тюльпанов.
Самый крупный из тюльпанов
На переднем виден плане.

На даче, сентябрь 1953 г.

Ведь это было так недавно
И в то же время так давно...
Как жаль, что только лишь на фото
Нам в прошлом побывать дано..

Сентябрь 1953 г.
Февраль 1954 г.

Никита и Наташка на даче, май 1954 г.

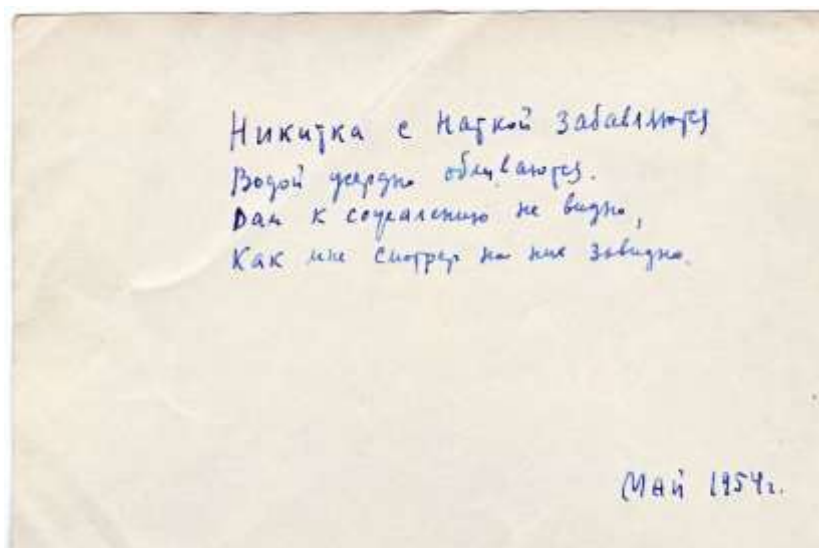
Мы часто ссоримся, деремся,
Поплакав-миримся, смеемся,
Играем, шутим и поем,
Нам очень весело вдвоем.
Вот оба мы - сестра и брат -
Повыше - Ник, пониже - Нат.
Голицыно май 1954 г.

Наташка в явном затрудненье,
Не знает, как ей поступить,
Чтоб ртом воды не нахлебаться,
А попку в бочке освежить.

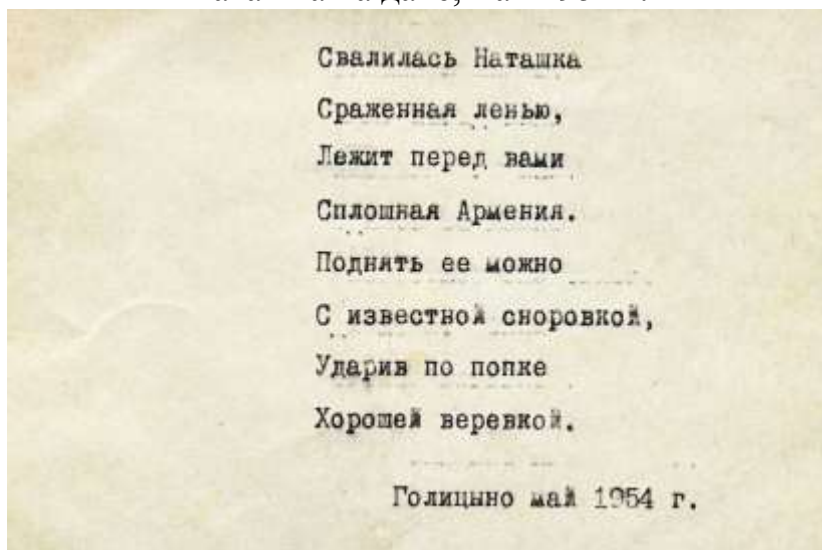

На даче, май 1954 г.

Наташка на даче, май 1954 г.

Раз баба очень симпатичная,
/а это надобно признать/,
То значит карточка типичная.
Ну, что вы можете сказать?

Голицыно май 1954 г.

Яков, Феликсы и дети, дача, октябрь 1955 г.

Чтобы поймать перелетный мотыль
 (он будет пойман без сомнений!)
 Поиграем толкучий Ящерица вскаки
 и все засунули в изумление,
 Зане от Ящерицы, как хобота,
 Никто не удрал похвальной
 прищипки.

октябрь 1955 г. дача "Лесной орден"

На даче, август 1957 г.

У наски етрапеси ер одна:
 Керамическо бѣлѣ она.
 То вѣщный класс етрапеси покажет
 и руси "фблго" прохит,
 то безнадучно, вѣщи, прохит
 и вбок худа-го угодит

Ниче 1957.

На даче, август 1957 г.

Внагаше плох кик срещам
и огни гася "пущени"
Н. в.б., по ръководство дядо,
Он сга озерулар победо
и снос дур, в конце кедли,
Все пуди клас в преданк усм

Август 1957.

Январь 1957 г.

Немного с леопардом схожий
 Своей пятнистой страшной кожей,
 Со взглядом честным и открытым
 Пред вами здесь стоит Никита
 И улыбается довольный,
 Тем, что ему совсем не больно.
 Все эти пятна, струпья, ранки –
 След перенесенной ветрянки.
 А рядом Натка грустно ждет
 Когда ее черед придет.

Январь 1957 г.

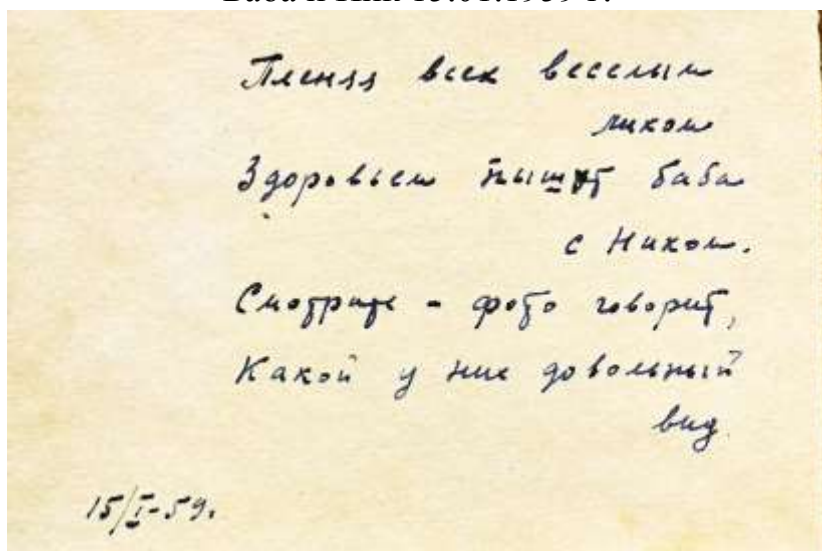
Январь 1957 г.

Пришел черед для Натки тоже
Похвастаться пятнистой кожей.
Два полных дня она страдала:
Чесалась, укусила, рыдала.
Но к счастью кончился недуг
И Натка оживилась вдруг.
Смотрите, как она мила,
Жива, спокойна, весела.

Январь 1957 г.

Баба и Ник 15.01.1959 г.

Наташа, 15.01.1959 г.

А рядом лежа на постели
 Набавка дышит еле-еле,
 На это сер у ней причина —
 Болея беднущка скарлатиной

15/5-59.

ТУНГУССКИЙ МЕТЕОРИТ

Вывал леса около базы Кулика на р. Хушмо,
1930 г.

Что же, всё ж, взорвалось
Незабвенным тем летом?
Не разгадана тайна,
На вопрос нет ответа...

Дед с добытыми глухарями в Тунгусской тайге

Лодка «НАУТИЛЬ»

Дед промывает пробу лотком, в Тунгусской
экспедиции

Дед в Тунгусской экспедиции на Южном болоте,
сентябрь 1961 г.

На вершине г. Фаррингтон, июль 1958 г.

Июль 1961 г., у Чугримского водопада, Тунгусская
экспедиция

Содержание

Борис Иванович Вронский	3
К чему стремлюсь?	33
О, Гелиос!	34
Масюсюсенькая Джин	34
Буйный ветер, сине море	35
Тихий вечер догорает	36
Слог мой первый...(<i>шарада</i>)	37
Государыня ты моя, Варсеника	38
Вдали, где в мгlistой дымке...	40
Ей-ей, сегодня день прекрасен	41
Молитва	42
Спустилось солнышко за горы	43
Есть обычай у влюблённых	46
Эх, и сторонущка!	47
Хочу тебе сказать	48
Голубеют небесные дали	49
Хорошо бродить на воле	50
Я стал иным	51
Жизнь Алданская	52
Ярко, ярко вспоминаю	55
Помню, как в детстве	56
Вокруг кайма темнеющего леса	57
Слышишь в небе крик гусиный?	58
Тебя я часто, часто вспоминаю	59
Эх, закинула меня, молодца	59
Отзвенела песня вьюжная	61

Суровый край, ворвавшийся в сознание	61
Давно ли я маленьким был	62
Чёрный вечер стоит у порога	64
Ранним ясным утром	65
Песня о чёрте (<i>юмореска</i>)	66
Помню первое сражение	70
Портрет сатира	72
Опять пустилась кровь впрыска	73
С прибытием домой	74
В ясном небе ярко светит солнце	75
Енисей	76
Вокруг, куда ни кинешь взгляд	77
Сойоты	79
Смешав кармин, лазурь и позолоту	80
Осень, осень наступает	81
Приискатель	82
Постылая работа	83
Вятская губерния	84
Опять настали дни разлуки	84
Степь широкая без края	85
Здесь целый выводок суровых, хмурых гор . . .	86
Местность выглядит убого	87
Покинул я родимые просторы	88
Сижу на выступе отвесного обрыва	89
Люди, лошади, квартиры	89
Здравствуй, матушка – красавица тайга	91
Таёжникам	93

На свете разные есть люди	95
Вере	96
Что мне делать, я не знаю	97
Спешите жить	98
Всё дела, да дела да делишки	100
Море	100
Будем смелы всегда и во всём	101
Осень, царевна якутская	101
В тихий вечер, поздним летом	102
Есть люди, жадные до власти	104
На хаевой Яне	105
Полевики	109
Приехал Эдик	111
Бурундук и медведь (<i>сказка</i>)	112
Отдых геолога	122
Маме в дар (<i>Садоводство</i>)	125
Наш дедушка	126
У нас на даче	129
Сижу на берегу	129
Когда ты одинок	130
Голубые ночи	131
Далеко на севере	132
Заседание	133
Очень часто, кончая работу	134
Дрейфуют корабли	135
Настанет время, или нет	135
Не сказка, а быль	136
Каспий	141
Таёжная застольная	143
На смерть С.Е.Захарченко	144

Где-то громко кукушка кукует	147
Борька – рыболов	147
Ляля с Борькой как-то раз	149
Одно и то же каждый день	153
Восемьсот километров морозов...	154
Таёжный друг	155
Песня бродяги	156
Чтоб чего-нибудь добиться	157
Широкая большая котловина	158
Две весны	158
Ах, как не хочется стареть	159
Юхтинские мари	160
Ангел Божий	161
Я знаю много звонких песен	163
Ясный солнечный день	164
Воет мама по утрам	164
Сухумские происшествия	166
То не в зарослях малины	181
Ник у и Нат от Деда	181
Невесело что-то, родная	183
Хищными птицами ночью глубокой	184
Душа поэта и бродяги	184
Когда для Родины моей	185
Мы уже почти у грани	186
У лукоморья облик сонный	188
Лакированный ящик	188
Из недавнего прошлого	189
На рождение Павлушки	190
Эдгар По, "Ворон"	191
Дочке – нота-поздравление	197

Нам всем старательно внушали	199
Вожди	200
Дачный быт	202
Стройка	203
Ода в честь Лунохода	204
Кантата	205
Ответ (<i>Бабы</i>) на Кантату	207
Одуванчики	209
Сказание о Тунгусском метеорите	210
Собрание фото-стихотворений	224